

ИРЭН
БЛАВАТСКАЯ

Уходя, ¹ не зарекайся

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ирэн Блаватская

Уходя, не зарекайся 1

Серия «Уходя...», книга 1

<https://litres.ru/74075084>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сегодня день моего совершеннолетия! День, когда меня жестоко избили и изнасиловали! День, когда меня лишили всего: свободы, гордости, имени. Теперь я никто. Бесправная игрушка в чужих руках, запертая между страхом и неизбежностью. Что ждет меня завтра? Публичный дом? Закрытый гарем? Торги за мою судьбу? Меня сломали, но не уничтожили.

Еще вчера моя жизнь была идеальной. Известная спортсменка, гордость страны, свободная и счастливая. Любимый мужчина, большие планы на будущее и весь мир у моих ног. Скажи мне кто-нибудь, что всё это исчезнет в один миг, я бы просто рассмеялась в лицо. Но сегодня мне не до смеха.

Теперь у меня осталась лишь одна цель — выжить, собрать себя заново и остаться собой в этом адском круговороте.

Содержание

Глава	4
Пролог	5
Глава 1	11
Глава 2	59
Глава 3	74
Глава 4	82
Глава 5	96
Глава 6	106
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Ирэн Блаватская

Уходя, не зарекайся 1

Глава

Уходя, не зарекайся. 1

Иногда спасение пахнет гибелью, а самый заклятый враг оказывается единственным плотом в рушащемся аду.

Пролог

Холод. Первым, что вернуло Еву к реальности, был пронизывающий, липкий холод, идущий откуда-то снизу, от самого пола.

Она едва проснулась. Точнее, её сознание просто вытолкнуло из тяжелого, удушливого забытья, больше похожего на обморок. Едва она приоткрыла веки, как мир вокруг взорвался ослепительной, невыносимой болью. Болело всё тело. Каждый миллиметр её кожи горел, ныл и пульсировал, словно по нему прошли гусеницами тяжелого танка. Каждое дыхание отзывалось спазмом в ребрах.

Сжав зубы до глухого скрежета и сдерживая подступающую к горлу тошноту, Ева сделала над собой усилие и заставила себя подняться и сесть на матрац, тяжело облокотившись спиной о холодную, шершавую стену. Голова гудела так, словно черепную коробку изнутри ломали ржавыми штыками, а мысли лениво ворочались в вязком сером тумане.

Она опустила взгляд вниз. На ней было чужое, просторное арабское платье из плотной, грубой ткани. Прикосновение материи к израненному телу казалось пыткой. Яркой и

болезненной вспышкой, в памяти всплыл финал этого кошмара: под самое утро, когда за окнами едва брезжил рассвет, он — высокий, темный, безжалостный силуэт — небрежно, с леденящим презрением бросил ей это платье.

— Оденься, — рявкнул он тогда. Этот хриплый, властный голос с легким акцентом до сих пор набатом стоял у неё в ушах.

А потом её принесли сюда. Чужие, сильные руки безжалостно тащили её по каким-то бесконечным лестницам вниз, в темноту. Было еще совсем раннее утро. Как только её тело опустилось на эту постель, силы окончательно покинули девушку, и она просто отключилась, провалившись в спасительную темноту небытия.

Ева медленно, преодолевая головокружение, огляделась вокруг. Небольшая комната тонула в тусклом, сером свете, едва пробивающемся сквозь маленькое окошко у самого потолка. Хотя окошком эту дыру в бетонной толще назвать было сложно — скорее, узкая, забранная решеткой амбразура, сквозь которую едва просачивался тусклый рассвет. Внутри пахло сыростью, цементом и чужой бедой.

Подвальное помещение. Сомнений не было — её заперли где-то глубоко под землей.

Толстый матрас, на котором она спала, лежал прямо на голом, бетонном полу. Какое-то тяжелое, теплое одеяло и сухой минимум удобств в углу — вот и всё. Больше в этой каменной коробке не было ничего.

В голове горьким эхом пронеслась мысль: «Вероятно, я далеко не первая и, уж конечно, не последняя обительница этих “роскошных покоев”... Вот и всё хваленое восточное гостеприимство».

Это было безумие. Сюрреалистичный бред. Разум отчаянно отказывался принимать реальность, кричал, что это просто затянувшийся, дикий кошмар, от которого нужно просто проснуться. Это просто не могло быть правдой! Не с ней!

Еще вчера она была совершенно другой. Современной, уверенной в себе, абсолютно свободной девушкой. Известной спортсменкой, фигуристкой, которая объездила полмира и с гордостью защищала честь своей страны на ледовых аренах. У неё был жених, была красивая, чистая любовь, были расписанные по минутам грандиозные планы на счастливую жизнь. Весь мир лежал у её ног.

А что сегодня?

Сегодня она — никто. Бесправная вещь, запертая в бетонном мешке в чужой, чуждой стране. Ева не знала, доживет ли вообще до завтрашнего дня, и где в итоге окажется: в дешевом публичном доме, в золотой клетке чьего-то гарема или её тело просто закопают где-нибудь в безмолвных песках этой пустыни.

Скажи ей кто-нибудь еще вчера, что она может оказаться в такой дикой, нереальной ситуации, она бы точно громко рассмеялась и покрутила пальцем у виска. Назвала бы это воспаленной фантазией сценаристов второсортных фильмов.

Но сегодня ей было совсем не смешно. Сегодня — её день рождения. День её совершеннолетия. День, который должен был стать праздником, а превратился в день, когда её жестоко, безжалостно избили и изнасиловали. День, когда её привычный, безопасный мир разбился вдребезги и разлетелся на миллионы мелких, острых осколков, каждый из которых теперь вонзался в её израненную душу и причинял невыносимую боль.

Жизнь разломилась на «до» и «после» с оглушительным, необратимым треском.

Дрожащими, бледными пальцами Ева начала осторожно ощупывать свое измученное тело под плотной тканью пла-

тъя. «Руки на месте, ноги вроде тоже двигаются. Кости целы. Уже хорошо...» — шептал внутри инстинкт выживания, цепляясь за любые крохи надежды.

Но стоило ей коснуться ладонью собственного лица, как плотину прорвало. Перед глазами с новой, удушающей силой пронеслись страшные, раскаленные картины

вчерашней ночи. Те самые, которые она так отчаянно пыталась заблокировать в памяти.

Эта постель. Его тяжелое, горячее, пахнущее дорогим парфюмом и табаком тело, навалившееся сверху, лишая возможности дышать. Его жестокие, сильные пальцы, мертвой хваткой сжимающие её запястья, вбивая их в подушку. Она вспомнила свой собственный истощенный, срывающийся на хрип крик, который он безжалостно заглушил, накрыв её рот своей ладонью. Вспомнила, как отчаянно, до кровавых ссадин боролась, извивалась под ним, пытаясь защитить свою неприкосновенность. О невинность, которую она берегла для любимого человека, этот монстр просто вытер ноги.

Он брал её жестоко, грязно, с какой-то яростной, карающей силой, не обращая внимания на её глухие рыдания, на кровь и тихие мольбы прекратить. Для него она не была человеком. Она была лишь объектом его похоти. Каждый его толчок отзывался в её воспоминаниях новой волной тупой,

разрывающей боли внизу живота.

Ева судорожно вздохнула, чувствуя, как по щекам снова покатались горячие слезы. Её пальцы коснулись губ — они были опухшими, потрескавшимися и искусанными в кровь. Она спустила ворот платья ниже, и в тусклом свете подвала на её белоснежной коже отчетливо проступили уродливые следы, от его безжалостных пальцев на груди. Клеймо чужой, первобытной власти.

— Да уж... совсем неласково меня приняла арабская земля, — едва слышно, разбитым шепотом проговорила Ева в пустоту подвала, и этот звук показался ей чужим. — И моя восточная сказка оказалась совсем недоброй...

Она обняла свои колени, сжалась в комок на жестком матрасе и уставилась в серую стену. Ужас, поселившийся внутри неё, был звенящим и бездонным. Она оказалась на самом дне ада, лицом к лицу с неизвестностью.

Но где-то там, под слоями боли и унижения, в самой глубине её покалеченной души, уже начинал разгораться едва заметный, пока еще слабый огонек. Огонек воли. Ева еще не знала, как, но она обязана была выжить. Чего бы ей это ни стоило.

Глава 1

Они ехали вечность. Время утратило ритм, вытянувшись в монотонную, вибрирующую под ногами полосу удушья. Руки за спиной давно налились свинцовым холодом; жесткая веревка въелась в запястья, и каждый ухаб на дороге отзывался вспышкой чистой, ослепляющей боли. Плотный, пахнущий прелой мешковиной холст на голове крал остатки кислорода. Ева ловила ртом воздух, но натыкалась лишь на липкую, безжалостную преграду — скотч стягивал губы до самых ушей, превращая любую попытку закричать в жалкое, утробное хрипение.

«Раз не убили сразу, значит, я нужна им живой...»

Мысль вспыхнула под коркой льда, но не принесла спасения. Напротив, от нее веяло звенящим, подступающим к горлу ужасом. Если не смерть, то что? Что ждет ее в конце этого пути?

«Выкуп. Конечно. Они потребуют астрономическую сумму... Но кто заплатит?»

В темноте мешка проступило лицо матери — бледное, осунувшееся. Откуда у скромной школьной учительницы та-

кие деньги? Кредит? Да какой банк выдаст миллионы под залог чужой жизни? Отец? Мужчина-призрак, который ушел, едва она научилась ходить, и годами откупался сухими, бездушными алиментами.

А если выкупа не будет?..

Спину прошил ледяной пот. Живой товар. Словосочетание, прежде казавшееся вырезкой из криминальных хроник, обрело плоть. Для этих людей она не человек. Она позиция в прайс-листе. Грязный, циничный бизнес. «Меня просто продадут. В закрытый гарем к какому-нибудь холеному сластолюбцу... Или, что еще страшнее, в грошовый притон, где из меня за пару месяцев выпьют всю жизнь».

Ей вспомнились телесюжеты о бесследно пропавших девушках. Тогда, в прошлой жизни, это казалось далеким шумом, декорациями чужих несчастий. Но чтобы это случилось с ней, успешной фигуристкой, привыкшей к аплодисментам и идеальному льду?.. Такого сценария не существовало даже в ее самых жутких кошмарах.

Какая изощренная, издевательская ирония. Она ведь летела в эту восточную страну на крыльях любви, навстречу своей персональной сказке, к мужчине, который обещал стать ее миром. А оказалась посреди чужой, кровавой вой-

ны, под разрывающими небо бомбами. Совсем одна. В кузове машины, увозящей ее в небытие.

Мысли роились, одна другой кровавее, выжигая изнутри раскаленную голову. Вопросы бились в пустоту, не находя ответов. Оглушающая, свинцовая тишина. С ней не говорили. Ей не предъявляли требований. Словно Евы-человека больше не существовало — остался лишь мешок с костями, который бросили на заднее сиденье, как безымянный груз. Эта неизвестность была страшнее боли; она выпивала волю по капле, медленно и методично.

Ева попыталась сменить позу, но отекавшие руки отозвались такой вспышкой судороги, что перед глазами поплыли багровые круги. В висках набатом отдавался каждый удар сердца — там, где по черепу пришелся тяжелый удар при похищении. Холст на голове промок от ее горячего дыхания; кислорода катастрофически не хватало, легкие горели, заглатывая густую, зловонную пыль.

Все усилия были тщетны. Двое молчаливых мужчин сидели по бокам, втискивая её в пространство между своими тяжелыми телами. Каждой клеткой кожи, каждым оголенным нервом она чувствовала их неподвижную, хищную мощь. Перекат натренированных мышц, запах пота и железа. И ни звука за всю дорогу, кроме надрывного рева мотора.

Они не просто везли её — они её перемалывали. Это молчание было инструментом, профессиональным и безжалостным. Оно превращало её в покорный, запуганный скот еще до того, как машина достигла цели. Одно лишнее движение — и жизнь оборвется в придорожной канаве, бесследно и просто.

Машина остановилась с визгом, вгрызаясь протекторами в гравий. Дверь рванули настежь, и Еву грубо вытащили на раскаленный воздух. Ее потащили куда-то, не давая нащупать опору. Она спотыкалась, едва переставляя непослушные ноги; хрип в груди становился все надрывнее — плотная ткань мешка окончательно лишила её воздуха. Удушье подкатывало к горлу липкой волной.

Спустя вечность этот бег прекратился. Не успела она схватить ртом воздух, как чья-то рука рывком сорвала мешок.

Ослепительный свет ударил наотмашь. Ева судорожно зажмурилась, по щекам брызнули произвольные слезы. Когда резь в глазах немного утихла, она медленно подняла веки и увидела его.

— Меня зовут Салман, — отчеканил он.

Голос был низким, с мягким, бархатистым южным акцентом, который лишь подчеркивал скрытую в нем угрозу. Его взгляд — тяжелый, сканирующий, почти осязаемый — медленно прошелся по ее фигуре. Этот взгляд не просто смотрел, он раздевал, оценивал, клеймил. От него не укрылось ничего: ни клочья разорванной одежды, ни мелко дрожащие колени, ни лихорадочный подъем груди.

Салман шагнул в ее личное пространство, уничтожая остатки защиты. Его большая, жесткая ладонь бесцеремонно обхватила ее скулы. Пальцы больно впились в кожу, заставляя закинуть голову, подставляя лицо под безжалостный свет. Он изучал ее, как охотник изучает редкую добычу, смакуя каждую деталь. И когда по его губам скользнула кривая, сытая ухмылка, Ева поняла: зверь доволен приобретением.

Внутри у Евы все перевернулось от жгучего унижения. «Как на аукционе, — горько и зло подумала она. — Оценивает статью, проверяет зубы. У него наметан глаз на породистый скот».

Салман, не разрывая удушающего зрительного контакта, скользнул ладонью по ее талии, намертво фиксируя на месте. Пальцы другой руки подцепили край ленты на ее лице. Вспышка — и он резко, без предупреждения, сорвал скотч.

Ева глухо вскрикнула. В глазах потемнело; клейкая лента сошла вместе с верхним слоем кожи. Она рухнула бы на каменный пол, но железная хватка на талии удержала ее. Салман держал ее крепко и уверенно — как свою законную вещь.

По бледной щеке, наискось через всё лицо, горел багровый, воспаленный след ожога. По этой полосе, смешиваясь с дорожной пылью, медленно покатилась одинокая слеза. Ева зажмурилась, до крови прикусив нижнюю губу: только бы не разрыдаться перед этим человеком, только бы не выдать своей слабости. Но эта вспышка беззащитной гордости не укрылась от его взгляда.

— Все в порядке. Здесь тебе нечего бояться, — вдруг мягко, почти ласково произнес Салман.

Его большой палец коснулся ее щеки, смахивая влагу тыльной стороной ладони. Эта суррогатная, фальшивая нежность испугала Еву сильнее, чем открытая агрессия.

Она открыла глаза и тут же нервно, всем телом вздрогнула. Сердце испуганной птицей забилося в ребра. Ева снова зажмурилась, отчаянно мотнув головой, пытаясь размыть, стереть из памяти зловещий силуэт, возникший всего в двух шагах.

Салман, проследив за ее взглядом, едва заметно усмехнулся.

У двери безмолвно стоял Муса — его правая рука и начальник личной охраны. Человек, внушавший первобытный, животный ужас. Гора литых, неподвижных мышц, подавляющая одним своим присутствием. Но страшнее всего было его лицо — абсолютная, глухая маска, лишенная малейшего намека на человечность. Через весь лоб, безжалостно рассекая правую бровь и спускаясь к подбородку, белел рваный, застарелый шрам. На смуглой коже он казался воспаленным, делая облик Мусы поистине зловещим.

Огромной тенью телохранитель бесшумно шагнул к ней со спины. Сухой щелчок ножа — и веревки на запястьях лопнули, возвращая свободу отекившим пальцам.

— Я твой друг. Ты мой гость. Мой дом — твой дом, — снова заговорил Салман, наблюдая, как она судорожно растирает окровавленную кожу.

Он безупречно владел языком, но еще лучше — искусством усыплять бдительность, профессионально плетя свои невидимые сети.

Еве не хватало воздуха. Было невыносимо трудно стоять под давлением той тяжелой, животной харизмы, которая исходила от этого мужчины. Из-под опущенных ресниц она всматривалась в своего похитителя. Салману было около тридцати. Высокий, безупречно сложенный араб с гладкой бронзовой кожей. И он был красив. Дьявольской, хищной красотой. Графичная, волосок к волоску эспаньолка, ухоженные волосы, дорогой парфюм, окружавший его фигуру плотным, дурманящим облаком. Породистое, идеальное лицо. Но за этим глянцевым фасадом угадывалось нечто темное, первобытное, готовое в любой момент подмять под себя чужую волю.

Глаза. Именно они выдавали его с головой. Бездонные, антрацитово-черные колодцы. Салман смотрел в упор, не мигая, и этот взгляд прошивал ее насквозь, выискивая самые уязвимые, надломленные уголки души. Его глаза жили отдельной, пугающей жизнью, никак не связанной с мимикой. Вот и сейчас — его губы мягко, почти соблазнительно улыбались, обнажая безупречный ряд ослепительно белых зубов, но взгляд оставался ледяным, застывшим. Мертвым. Он гипнотизировал, лишал воли, заставляя замереть под прицелом этой расчетливой, хищной пустоты.

«Не верю... Ни единому слову. Ни одному жесту», — отчаянно бился внутри здравый смысл.

Вся эта приторная вежливость — лишь ядовитая восточная вязь, призванная запутать и подчинить. Не для того её оглушили в чужом городе, не для того связанной, с мешком на голове, везли через блокпосты, чтобы теперь разыгрывать спектакль об арабском гостеприимстве. Это была фальшь, чистая и звенящая.

Сладкие сказки пелись лишь с одной целью — усыпить инстинкты, заставить опустить щиты и поверить в безопасность. Чтобы потом, в самый неожиданный и беспощадный момент, нанести удар и поглотить её целиком, стерши саму память о её прежней жизни.

Ева смотрела в эти пустые черные глаза и понимала: ее персональный ад только что распахнул свои двери.

Декорации сменились с пугающей, ирреальной быстротой. Теперь Ева сидела на низком диване, утопая в тяжелом бархате. На резном столике перед ней курилась паром крошечная пиала с терпким арабским чаем, рядом темнели глянцевые бока крупных фиников. Горячая, пряная жидкость обожгла горло и медленной волной тепла разошлась по сведенному судорогой телу. Только сглотнув этот сладкова-

тый настой, Ева осознала, насколько истощена: за весь этот бесконечный, пропитанный ужасом день она не выпила ни глотка воды. Тело жадно впитывало крохи энергии.

Салман устроился напротив. Он ни к чему не притронулся — просто вальяжно откинулся на подушки. Его антрацитовые глаза не мигая следили за каждым ее жестом, цепляясь за предательскую дрожь тонких пальцев, судорожно сжимавших фарфор.

Воздух в комнате внезапно уплотнился — неслышной тенью вошел Муса. Они с Салманом перекинулись несколькими рублеными, гортанными фразами. Не зная языка, Ева улавливала лишь интонации — сухие, властные, звучавшие в этой тишине как зачитанный приговор. Закончив доклад, Муса не ушел. Он замер в полумраке у стены, скрестив руки на широкой груди, и уставился на пленницу. Его присутствие давило физически, излучая такую первобытную угрозу, что Еве хотелось вдавиться в обивку, исчезнуть, стереть себя из пространства под этим тяжелым взглядом.

Тишину разорвал голос Салмана:

— Расскажи о себе. Кто ты? И что забыла в этой стране?

Ева сглотнула жесткий ком в горле. Нужно было звучать

максимально жалко и убедительно. Свою настоящую жизнь требовалось спрятать как можно глубже.

— Меня зовут Ева, — тихо произнесла она, уставившись на свои сцепленные руки. — Я с детства бредила Востоком. Мечтала увидеть всё это вживую... Но я обычная студентка. То учеба, то денег нет. А тут скопила немного, купила билет и прилетела в Самарру. Оказалось — в самое худшее время.

Она подняла на Салмана глаза. Изображать страх не пришлось — он и так стоял в зрачках, готовый выплеснуться слезами.

— Это был крошечный ад. Мы только вышли из терминала, и началось... Взрывы, паника, крики. У меня на глазах половину здания просто снесло в пыль, люди падали в кровь! — ее голос дрогнул, сорвавшись на искренний, болезненный шепот. — Я чудом уцелела. Связи нет, интернета нет. Что вообще происходит? Это война? Я просто хочу к маме... Я бродила по улицам, искала наше посольство, а потом удар по голове — темнота. И вот я здесь.

Салман выслушал этот сбивчивый монолог, не дрогнув ни единым мускулом. В уголках его безупречных губ проступила едва заметная, бритвенно-острая усмешка.

— Это всё, что ты хочешь рассказать мне о себе, Ева? — вкрадчиво, с опасной мягкостью уточнил он.

— Да. Всё, — она поспешно закивала, физически ощущая, как проваливается в вырытую им яму. — Я простая студентка. Во мне нет ничего ценного. Пожалуйста... Вы можете мне добраться до посольства? Умоляю вас.

Салман подался вперед, положив локти на колени. Его застывший взгляд буравил её лицо, не оставляя пространства для маневра.

— У тебя совсем никого нет в Самарре?

— Нет, — выдохнула она, качнув головой. — Я здесь впервые.

— А в каком отеле бронь?

— Я... я не бронировала заранее, — Ева запнулась, чувствуя, как фразы вязнут на языке. — Думала, найду что-нибудь недорогое прямо на месте...

— Сколько ты собиралась здесь оставаться? Когда обратный билет?

— Через неделю...

— И где он? — Салман перебил её на полуслове. В его голосе впервые отчетливо, бритвенно звякнула сталь. — Где твой обратный билет, Ева?

— В рюкзаке... — прошептал она, инстинктивно вжимаясь в подушки. — Все вещи, деньги, документы... всё было там. Я потеряла его там, на окраине города, когда меня оглушили. У меня больше ничего нет, понимаете? Вообще ничего.

Вместо ответа Салман молча наклонился и вытянул откуда-то из-за дивана знакомый контур. Небольшой кожаный рюкзак.

— Это он? — с тяжелым, вкрадчивым нажимом спросил он.

И, не дожидаясь ответа, перевернул его. На деревянную столешницу с глухим стуком посыпалось чужое, вывернутое наизнанку прошлое: расческа, зеркальце, кошелек, заграничный паспорт и... телефон.

В первую секунду в груди Евы дико, слепо забились надежда: «Нашелся. Паспорт здесь...» Но в следующее мгнове-

ние её пронзил ледяной ужас осознания. Капкан захлопнулся. Хищник не искал ответов — он разыгрывал спектакль. Паспорт лежал перед ним открытым, а значит, они уже знали о ней всё.

Но страшнее был телефон. Внутри у неё всё оборвалось и рухнуло в пустоту. В памяти этого маленького пластикового корпуса была заперта вся её жизнь. Вся их тайная, лихорадочная переписка с Олегом. Каждое слово, каждое признание. Если смартфон у Салмана, они перетряхнули каждую строчку.

Вот к чему был этот допрос. Он проверял её. И он точно знал, что в этой охваченной огнем стране её ждали. Или... ждали? Мысль об Олеге отозвалась дикой, удушающей паникой. Он ведь должен был встречать её в терминале, который разнесло в щепки через десять минут после посадки. «Только бы живой... Господи, пусть он будет в безопасности, пусть посольство вытащит его», — беззвучно молила она, чувствуя, как реальность вокруг осыпается пеплом.

Салман поднялся. Свободно, хищно, в одно движение. Маска обходительного хозяина окончательно слетела, обнажая подлинное лицо. Он медленно двинулся на нее, сокращая дистанцию, и каждый его шаг дышал неотвратимой угро-

зой.

— И кто же ты на самом деле, Ева? — его голос теперь хлестал, как бич. — Простая студентка? Беззащитная туристка? И ты совсем не знаешь человека по имени Олег? Ложь. Каждое твое слово — ложь.

Ева физически почувствовала, как воздух вокруг нее превратился в яд. Инстинкт самосохранения сработал мгновенно — она рванулась вверх, пытаясь разорвать дистанцию, но Салман двигался с грацией сытого хищника. В один шаг он перекрыл ей выход. Его пальцы стальными тисками впились в ее подбородок, выламывая шею, заставляя смотреть вверх. Черные, бездонные глаза Салмана полыхнули яростью, и он рявкнул ей прямо в лицо:

— Замолчала?! Да ты оказывается, знаменитость, гордость нации! Фигуристка! Звони домой, живо. Пусть твои хозяева или родные собирают выкуп, если хотят получить тебя назад в одном куске!

— Мне некому звонить! — закричала Ева. От боли и страха перехватило дыхание, она отчаянно пыталась вывернуть лицо из его безжалостных пальцев. — Моя мама — учительница в школе! У нее нет денег, мы жили на копейки, пока я сама не начала зарабатывать на катке! Пожалуйста... умо-

ляю, отпустите меня! У нас ничего нет!

Салман прищурился, и его губы тронула зловещая, сытая усмешка.

— Тогда звони Олегу. У него деньги водятся, и немалые. Пусть раскошеливается за свою девочку.

— Нет... я не могу, — прошептала она. Ледяной, парализующий ужас сковал грудную клетку. Она из последних сил качнула едва свободной головой. — Пожалуйста, не трогайте Олега... Он... он не станет платить, у него нет таких сумм!

— Тогда он будет получать тебя по частям, — ровно, без единой эмоции произнес Салман. В этой обыденности, с которой он произнес страшные слова, сквозила подлинная природа чудовища. — Не испытывай мое терпение, кукла. Со мной эти игры плохо заканчиваются.

— Нет! — вытолкнула Ева со всей твердостью, какую смогла выскрести со дна своей растоптанной гордости.

Она рванулась в сторону, оступилась и попятилась, но пространство мгновенно закончилось — лопатки с силой врезались в глухую, холодную стену. Замкнутый круг. Бежать некуда.

Салман, потеряв интерес к разговору, с размаху наотмашь влепил ей тяжелую, оглушительную пощечину. Звук удара разорвал сознание подобно грому. Вскрикнув от

ослепительной вспышки боли, Ева потеряла опору. Мир качнулся, ее повело в сторону, и она с размаху рухнула на деревянный стол, приложившись виском об острый резной край столешницы.

Звуки выключились. Свет погас. Наступила абсолютная, милосердная темнота.

Сознание возвращалось неохотно, сквозь плотную пелену тошноты и пульсирующей боли. Ева приоткрыла тяжелые веки. Прямо над ней склонилось чужое лицо — немолодая смуглая арабка в темном платке. Женщина сосредоточенно брызгала ей в лицо прохладной водой, монотонно приговаривая что-то на своем языке. Убедившись, что пленница задышала ровнее, служанка сухо, почти профессионально промокнула ее мокрые щеки полотенцем и бесшумно, как тень, растворилась за дверью.

Чуть поодаль, лениво скрестив руки на груди, стоял Салман. Он молча, с хищным прищуром наблюдал за каждым

движением ее ресниц. В глубине его застывших глаз мелькнул опасный интерес: он с удивлением отметил, что в лице Евы нет рабского, парализующего страха. Эта девчонка не забилась в угол, не скулила и не прятала взгляд. Напротив — сквозь слезы и боль она смотрела прямо на него. В упор.

За всю свою жестокую, криминальную биографию Салман редко сталкивался с подобным. Почти никогда. В его мире жертвы быстро учились ползать. «Вызов?» — подумал он, и его губы сыто дрогнули в едва заметной ухмылке.

Он не понимал, что против него сейчас играла запретная, выкованная годами спортивная закалка. Привычка стискивать зубы там, где другие ломаются. Но Салмана это не пугало. Напротив — от осознания ее скрытой силы в нем с новой, первобытной силой просыпался азарт охотника. Слишком сладкой обещала быть победа. Растоптать эту гордость, подчинить, сделать ручной.

«Ну-ну... — цинично размышлял он, гипнотизируя её взглядом. — Скоро ты у меня станешь шелковой. И пока я не наиграюсь, твой футболист тебя не увидит. Ни за какие миллионы в мире».

Ева сидела на диване, чувствуя, как горит разбитый висок. В мыслях пронеслась горькая издевка: как же стремительно

и фальшиво закончился этот приторный спектакль с чаем и финиками, уступив место подлинной, грязной реальности. Но, глядя на человека, который так легко поднимал руку на беззащитных, она нашла в себе точку опоры. На чистом, глухом упрямстве Ева заставила себя подняться.

Голова дико кружилась, комната плыла и качалась, но она мертвой хваткой вцепилась пальцами в резной подлокотник. И удержалась. Стояла прямо. Наперекор всему.

«Ты не увидишь меня сломленной, — бешено стучало в висках, пока она фиксировала идеальное лицо Салмана. — Ни за что».

Ева прекрасно понимала: никаких миллионов не существует. Надеяться на чудо или выкуп глупо. Значит, оставался один путь — выживать самой. Цепляться зубами, маневрировать, биться до последнего вздоха, но не сдаваться без боя.

Этот бойцовский характер не возник из ниоткуда. Четырнадцать лет ежедневных, изнуряющих тренировок на льду, жесткий режим и сотни падений на жесткий глянец катка намертво впились в ее тело. Лед с четырех лет учил ее главному правилу, заменяющему любые кодексы: упала — вставай и катай программу дальше. Даже если колено разби-

то в кровь, а трибуны смотрят на тебя в упор.

Физически она была на пределе. Шутка ли — дважды за этот бесконечный день потерять сознание от ударов по голове. Черепная коробка трещала по швам от пульсирующего, тяжелого давления. Но выглядела она, должно быть, еще страшнее, чем чувствовала: на припухшей нижней губе запеклась темная корка крови, а на бледной коже уродливым багровым пятном горел четкий след ладони Салмана. Настоящее клеймо.

Рядом послышался сухой шорох. Муса возился у стола с её телефоном. С пугающей будничностью, за несколько секунд обойдя графический ключ, он подключил аппарат к какому-то портативному блоку связи. Не теряя времени, великан навел камеру смартфона Еве прямо в лицо. Щелчок, еще один. Несколько детальных снимков разбитого лица.

«Отправят Олегу...» — догадалась она, и сердце болезненно сжалось.

Спустя пару минут тишину разорвал громкий, требовательный звонок. Муса нажал кнопку ответа и перевел вызов на громкую связь. Из динамика, пробиваясь сквозь помехи, донесся сорванный, испуганный голос Олега.

— Миллион долларов, — безжалостно, не давая ему вставить ни слова, произнес в трубку Салман. — Или ты получишь её по частям. Но учти, парень: сначала мои бойцы с ней как следует порезвятся. Девчонка — редкая красавица, парням не терпится прикоснуться к этой белой коже. Советую поторопиться. У тебя ровно неделя. Время пошло.

Олег на том конце провода что-то закричал, его голос сорвался на хрип, он умолял не делать глупостей, обещал всё найти. Салман раздраженно поморщился и перевел взгляд на Еву.

— Что молчишь? — вдруг рявкнул он, делая шаг к дивану. — Скажи что-нибудь своему мальчику! Он места себе не находит. Пусть послушает твой голосок.

Ева сильнее сжала челюсти. Она упорно, каменно молчала. Унижаться и скулить в трубку на радость похитителям она не собиралась.

Салман едва заметно качнул головой, давая знак телохранителю. Несмотря на свою массивность, Муса сработал с противоестественной, кошачьей быстротой. Ева не успела даже перехватить дыхание, как великан мертвой хваткой сгрёб её светлые волосы на затылке, с силой намотал их на свой огромный кулак и резко, безжалостно рванул назад.

От ослепляющей боли в скальпе Ева вскрикнула. В глазах поплыли плотные черные пятна. Она инстинктивно дернулась, пытаясь вырваться, но Муса намертво прижал её лопатки к своей каменной груди, лишая возможности шевельнуться. Не ослабляя хватки, он медленно потянул кулак ниже, выгибая её шею под неестественным, ломающим углом.

— Олег!.. — сквозь слезы вытолкнула она в динамик.

В трубке отозвался полный отчаяния, сорванный крик. Олег задыхался от беспомощности на другом конце провода. Он пытался что-то кричать похитителям, клялся, что найдет деньги, продаст всё, выплатит сумму до последнего цента — только бы её не трогали.

Салман удовлетворенно прищурился. По его знаку Муса разжал пальцы и бесцеремонно оттолкнул Еву. Она покачнулась, едва удержавшись на ногах, и судорожно прижала ладони к горящему затылку.

Нажав отбой, Салман небрежно швырнул телефон на стол и подошел к ней почти вплотную. В его глазах читалось холодное превосходство сытого зверя.

— Хорошая девочка, — вкрадчиво, почти ласково произ-

нес он, разглядывая её искаженное болью лицо. — Люблю послушных.

В секунду его мимика остекленела, а голос опустился до леденящего шепота:

— И запомни: я никогда не повторяю дважды. Хочешь вернуться к своему мальчику целой — делай то, что я скажу. Сразу. Молча. Я не терплю неподчинения в своем доме. Ты меня поняла?

Ева стояла перед ним, ловя ртом воздух. Ныл затылок, пульсировал разбитый висок, горела содранная кожа на лице. Капкан захлопнулся, и под его ржавыми зубьями больше не существовало никаких законов, кроме чужой, извращенной воли.

К ней бесшумно, точно бесплотная тень, подошла немолодая арабка. Не произнося ни слова, коротким кивком головы она приказала следовать за собой. Спорить не имело смысла, да и сил на протест не осталось. Ева послушно пошла следом, на ходу цепко, фиксируя каждую деталь этого дома.

Она ступала по мягким персидским коврам, в которых бесследно тонули звуки шагов. Вокруг царила избыточная, давящая роскошь. Все было монументально и тяжело: резные арки из темного дерева, инкрустация перламутром, золоченые светильники, отбрасывающие причудливые тени на расписные стены. Это пространство напоминало иллюстрацию к восточной сказке, но сказка была насквозь пропитана ядом. Ева не была здесь принцессой. Она была добычей.

После нескольких поворотов по коридорам они оказались на просторной, стерильно чистой кухне. Служанка жестом указала на стул. Стоило Еве сесть, как перед ней с глухим стуком опустился массивный серебряный поднос, доверху наполненный дымящейся едой: пряным рисом, запеченным мясом и свежими лепешками.

Густой, умопомрачительный аромат специй мгновенно заполнил комнату, вытесняя из головы парализующие мысли. В этот момент первобытные инстинкты безжалостно взяли верх над растоптанной гордостью. Пошли вторые сутки без сна и нормальной еды; Ева держалась на одном изнуряющем адреналине. Сейчас весь её мир сузился до базовых потребностей. Измученный мозг был просто не в состоянии обрабатывать экзистенциальный ужас своего положения — она хотела есть и спать. Она хотела выжить.

Жадно поглощая еду, Ева попыталась заговорить со своей молчаливой спутницей. Пробовала обращаться на английском, подбирая самые простые слова, но женщина оставалась глуха. Она застыла у плиты, упорно отводя глаза. В этом доме царили жесткие законы, и прислуге, скорее всего, под страхом сурового наказания запрещалось вступать в контакт с бесправным «живым товаром».

Когда поднос опустел, а по телу разлилась тяжелая, пьянящая сытость, арабка повела Еву наверх, вглубь коридоров. Женщина распахнула дверь одной из дальних комнат, пропустила девушку внутрь и тут же резко потянула ручку на себя. Раздался сухой, окончательный щелчок замка.

Ева осталась одна. Запертая.

Изучать обстановку не было ни физических, ни ментальных сил — глаза слипались, а затылок ныл тупой болью. Однако, бегло осмотревшись, она невольно замерла. Спальня была огромной, светлой и дорого обставленной. Посреди нее возвышалась королевских размеров кровать под шелковым покрывалом, а за приоткрытой дверью угадывалась отделанная мрамором ванная.

Собрав последние крохи воли, Ева на автопилоте дошла до смесителя и включила горячую воду. Сбрасывая испач-

канную, порванную одежду, она поймала себя на горькой, почти циничной мысли: «Надо же... Условия в арабском плену роскошнее, чем всё, что мы могли позволить себе с мамой».

Смывая под горячими струями дорожную пыль, пот и липкое ощущение чужих пальцев, Ева зажмурилась. За стенами этого мраморного кокона её ждали Салман, Муса и полная неизвестность. Но сейчас, засыпая прямо под каплями воды, она испытывала тупую, животную благодарность просто за чистую постель. О том, как бороться дальше, она подумает завтра. Если это завтра для неё наступит.

Спустя пятнадцать минут, совершенно опустошенная, она рухнула на гигантскую кровать в мягком махровом халате, найденном в ванной. Сознание уплывало. В голове билась одна-единственная мысль: «Забиться. Вычеркнуть этот день». Ей казалось, что тяжелая дубовая дверь, запертая снаружи на ключ, гарантирует хотя бы несколько часов передышки.

Она жестоко ошибалась.

— Доброй ночи, девочка.

Этот низкий, бархатистый голос раздался не просто в ком-

нате — он прозвучал у самого изголовья, ломая тишину.

Еву подбросило. Сон сорвало, как старую повязку; адреналин обжигающей волной ударил в виски. Салман стоял у постели. Дорогой шелковый халат, ухоженное лицо, а в уголках губ — сытая, спокойная улыбка хищника, загнавшего дичь в тупик.

— Что... Что вы здесь делаете?! — вытолкнула она, судорожно стягивая лацканы на груди.

Эффект неожиданности сработал сокрушительно. Перво-бытный, леденящий страх парализовал мышцы, лишая воли. В горле мгновенно пересохло, дыхание перехватило.

— Как это — что делаю? — Салман тихо, искренне рассмеялся, но от этого звука на коже проступил мороз. — Это мой дом, милая. Живу я здесь.

Он сделал шаг вперед, уничтожая безопасную дистанцию, и плавным, небрежным жестом сбросил халат на пол. Поджарое, мускулистое тело с бронзовой кожей дышало пугающей, тяжелой силой и жаром.

— Не подходите! Не смейте! — сорвалась на хрип Ева, пытаясь отползти к противоположному краю кровати, спи-

ной к стене. - Что вам нужно от меня?

— Хочу узнать, за что я заплатил, — лениво протянул он. В его потемневших зрачках вспыхнул откровенный, плотоядный голод. — Я тебя купил, Ева. С потрохами. С этой секунды ты — моя вещь. Мой трофей. И я имею право делать с тобой всё, что захочу. Абсолютно всё.

— Как — купил?.. — голова Евы пошла кругом. Абсурдность происходящего не укладывалась в сознании, она отчаянно пыталась нащупать опору в этом безумии. — Вы же требуете выкуп! Я заложница! Вы не имеете права...

— Это бизнес, девочка. Мой личный бизнес, — Салман сделал еще шаг, его глаза сузились до черных щелей. — Со всей страны мне поставляют товар. Лучшее я оставляю себе. Остальное — продаю. А тех, кто слишком много о себе возомнил, я живыми зарываю в песок. Пустыня огромная, Ева. Места хватит на всех. Здесь я — единственный закон.

Он говорил об убийстве с таким густым, тягучим наслаждением, что у Евы внутри всё окончательно вымерзло. Сомнений не осталось: этот монстр раздавит её мимоходом, и его рука не дрогнет.

Осознание того, что её собираются растоптать прямо

здесь, на этой чужой шелковой постели, вызвало в ней не паралич, а взрыв. Многолетняя спортивная закалка сработала на уровне рефлексов: если падение неизбежно — группируйся и бей.

Ева рванулась в сторону, пытаясь проскочить к выходу, но Салман был быстрее. Его ладонь со свистом рассекла воздух, пальцы намертво вцепились в лацкан халата, притягивая извивающуюся девушку к своему горячему телу. Вскрикнув, Ева проявила невероятную, змеиную гибкость: она резко вывернулась, буквально вынырнув из халата. Махровая ткань осталась в руках опешившего мужчины, а она в одном белье бросилась к двери.

Пальцы впились в ручку, дернули изо всей силы... Замок не поддался. Холодный металл отозвался глухим отказом.

Она успела лишь раз в бессильной ярости ударить кулаком по массивному дереву, когда сзади налетел Салман. Ослепленный неповиновением, он сгреб её светлые волосы и рванул на себя. Мужчина не рассчитал дикой силы — корни волос обожгло огнем, пальцы соскользнули, и Ева с глухим стуком полетела на пол.

Голова снова встретилась с твердой поверхностью. Перед глазами взорвался сноп искр, мир на мгновение подернулся

дымкой, но в ней уже проснулась ярость загнанного зверя.

Когда Салман наклонился, чтобы скрутить её, Ева обеими ногами с силой толкнула его в грудь. Мужчина покачнулся, выплюнув ругательство, а она, вскочив на ноги, бросилась в сторону ванной — единственной незапертой двери. На бегу её взгляд зацепился за тяжелую глиняную вазу на постаменте.

Ева не замедлилась — она наотмашь, всем весом ударила по ней рукой.

Тяжелый сосуд с грохотом рухнул, разлетаясь на сотни острых бритв. Позади раздался яростный рык, полный гор-
танных арабских проклятий. Ева услышала хруст керамики под его весом. «Порезался», — со злорадным торжеством мелькнуло в голове.

Ева ставила всё на один бросок: успеть захлопнуть дверь ванной и повернуть щеколду. Что делать дальше, она не знала. Мозг отказывался просчитывать шаги — было очевидно, что вечно за дверью не просидеть. Но прямо сейчас ей было плевать на логику. В раскаленной голове билась единственная, отчаянная потребность — отгородиться от насильника, выиграть хотя бы минуту чистой жизни.

Проем ванной комнаты мазнул перед глазами, обещая спасение.

Но стоило босой ногой ступить на мокрый, глянцевый кафель, как ступня предательски поехала. Ева взмахнула руками, теряя опору, и с глухим ударом рухнула спиной на твердый пол, в который раз за день приложившись затылком.

В глазах мгновенно потемнело. Дыхание выбило из легких, спину сковало тугой, горячей судорогой. Попытка подняться на локтях провалилась — тело налилось свинцом и отказалось подчиняться. Хрипя, из последних сил Ева продолжала слепо отползать назад по влажной плитке, ведомая одним лишь животным инстинктом выживания.

Спустя несколько секунд затылок уперся в холодную морную стену.

Всё. Пространство закончилось. Укрыться было негде.

Ева замерла, прекратив бесполезную борьбу. Тяжело, со свистом лова ртом воздух, она широко открытыми, полными ярости и обреченности глазами встретила своего преследователя. Салман медленно, шаг за шагом входил в ванную комнату.

От его вальяжной, сытой улыбки восточного принца не осталось и следа. Лицо Салмана окоченело, превратившись в глухую, каменную маску звериной злости. В этой искаженной мимике не было места жалости. «Именно с таким лицом зарывают в раскаленный песок пустыни», — леденящим эхом пронеслось в сознании Евы.

Но додумать мысль она не успела.

Салман опустился на нее в одно слитное, хищное движение. Его тяжелое, жесткое колено с размаху вдавилось ей в живот, вышибая последние крохи воздуха и намертво пригвоздив хрупкое тело к холодному кафелю. Ева захлебнулась воздухом, не в силах даже закричать. Мужчина смотрел на нее сверху вниз — хладнокровно, с глухим, леденящим спокойствием. И так же молча, наотмашь вlepил ей тяжелую пощечину.

Голова Евы дернулась, шея обмякла. Перед глазами снова взорвался сноп багровых искр, в ушах заложило от плотно-го, звенящего шума. Она почувствовала, как из лопнувшей нижней губы по подбородку поползла горячая, солоноватая струйка.

Последние силы оставили её. Сопротивляться было нечем и незачем. Она затихла на полу, безучастно, огромными, за-

стывшими глазами глядя на чудовище над собой. Мир вокруг сузился до размеров его темного, фиксирующего взгляда.

— Ну что, добегалась? — тихо, с леденящим торжеством произнес Салман, тяжело дыша ей в лицо. — Запомни раз и навсегда: отсюда некуда бежать. Ты в моей власти.

Он с силой надавил ладонью ей на губы, грубо смахивая кровь и размазывая её по бледному лицу. Несколько секунд его взгляд — оценивающий, сканирующий — беспрепятственно скользил по ее незащищенному телу. А затем Салман легко, словно не замечая веса, подхватил её на руки.

Он поднялся, уверенным шагом вышел из ванной обратно в спальню и без малейшей жалости бросил её на шелковое покрывало. Салман навис сверху, окончательно закрывая собой весь оставшийся мир.

Обрывок воспоминания, еще вчера казавшийся невинным, сладким бредом влюбленной девушки, сейчас вспыхнул в сознании ядовитым ожогом. Прошрое нахлынуло внезапно, удушливой волной, утягивая её назад — в тот последний, тихий вечер в Москве. Они сидели в полутемном,

скромном кафе на окраине. За окном падал тяжелый хлопьевидный снег, а они, прячась от случайных взглядов за дальним столиком, нежно держались за руки и спорили о разлуке.

Тогда всё казалось разрешимым. Весь мир лежал у их ног.

— Целых две недели! — Ева помнила, как капризно вздохнула, глядя на Олега. — Боже мой, Олежик, это слишком долго... Я просто не переживу.

— Ты будешь безумно занята, поверь. Тебе станет не до меня, — Олег мягко улыбался, успокаивая её своим низким, уверенным басом, и крепче сжимал её пальцы.

— Но мой день рождения! — она была расстроена до слез. В одночасье рушились их самые заветные, выстраданные планы. — Мы ведь мечтали отметить его вдвоем. Только ты и я. А потом... наконец-то провести ту самую ночь вместе. Ну почему всё так несправедливо?

Они познакомились всего несколько месяцев назад на огромном открытом катке. Олег пришел туда с друзьями ради шутки, хотя на коньках держался неуклюже, смешно, постоянно балансируя длинными руками. А Ева с подружкой просто заскочили выпить кофе в свой редкий свободный ве-

чер.

В какой-то момент этот огромный парень, окончательно потеряв равновесие, стал заваливаться назад и случайно сбил проезжавшую мимо на скорости Еву. Падение вышло жестким: они вдвоем с грохотом рухнули на лед и по инерции врезались в деревянный борт.

— Осторожнее! Вы же меня чуть не пришибли! — возмутилась тогда Ева, безуспешно пытаясь сдвинуть с себя тяжелого великана, буквально впечатавшего её в ограждение.

Здоровяк, путаясь в собственных длинных ногах, неуклюже скатился на лед и замер с такой виноватой, обезоруживающей улыбкой, что Ева не смогла сердиться. Она тоже рассмеялась. Парень попытался по-джентльменски встать, чтобы помочь ей подняться, но тут же снова потерял баланс и с глухим эхом плюхнулся обратно.

— О Боже, это диагноз! — покатила со смеху Ева. — Ладно, не мучайтесь, я помогу.

Она быстро, профессионально вскочила на ноги, подхватила его под локоть и помогла удержаться на скользкой поверхности. Именно в ту секунду ей показалось, что его лицо смутно знакомо.

— Олег, — представился он, осторожно протягивая ей огромную ладонь.

И тут всё встало на свои места.

— Тот самый Олег Земцов? Футболист? Я вас узнала. А я Ева... Приятно познакомиться.

— Ева Донская? — Олег широко распахнул глаза и смеялся — чисто, искренне. — Я вас тоже узнал. Краса и гордость нашего фигурного катания... Уж как мне-то приятно.

Он крепко, но удивительно бережно пожал её руку. С того дня их мир перевернулся. Они начали встречаться. Но встречаться тайно, крадучись, словно преступники.

Её строгий, деспотичный тренер и мать выступали единым фронтом против любых намеков на личную жизнь. Они в один голос твердили, что чувства разрушат концентрацию и поставят крест на большом спорте.

— Думай о будущем, о медалях, а не о мальчиках, — как молитву, повторяла мать, бдительно контролируя каждый шаг Евы.

Впрочем, контролировать было почти нечего. Жизнь Евы с четырех лет напоминала замкнутый круг: лед, школа, изнуряющие многочасовые тренировки, сборы, перелеты. Огромный, выжимающий все соки труд.

Именно поэтому Ева сама выстроила между ними с Олегом глухую стену:

— Никто не должен знать, что мы вместе. И... никакой близости. Пока нет, — твердо обрывала она его робкие попытки перевести их встречи на новый уровень.

— Но почему? — искренне возмущался Олег, ероша короткие волосы. — Почему я, взрослый парень, должен прятаться за задворках, встречаться как школьник и просто держать тебя за руку? Что за бред? Я так не хочу.

— Олег, если всё всплывет, пресса нас уничтожит, — грустно вздыхала она, прижимаясь к его плечу. — Представь заголовки: «Известный футболист соблазнил несовершеннолетнюю». Мы оба потеряем карьеру, а ты — еще и свободу. Потерпи совсем немного. Пару месяцев. Мне исполнится восемнадцать, и тогда никто в мире не сможет нам запретить.

Олег вздыхал, но подчинялся. В тот последний вечер в

полупустом кафе обоим было невыносимо тяжело: со дня знакомства они не расставались так надолго. На следующий день Ева улетала на важный турнир в Японию, а еще через сутки Олег отправлялся на престижный матч на Ближний Восток.

— Ладно, не грусти, — Олег вдруг оживился, его глаза блеснули шальной идеей. — Две недели пролетят быстро. Вообще-то твой тренер прав, чемпионка: тебе сейчас нужно думать о прыжках и баллах, а не о глупостях.

— Вот как? — притворно надулась Ева. — Вижу, что вы с моим тренером уже спелись за моей спиной!

— Слушай, есть план! — Олег резко подался вперед через стол. — Сразу после чемпионата лети из Японии ко мне. У нас как раз закончатся финальные игры. Мы шумно отметим твое совершеннолетие и на целую неделю останемся там, в роскошном отеле на побережье. Только ты и я. Я забронирую лучший номер с видом на залив.

— Это потрясающе! — Ева пришла в неопишуемый восторг, мгновенно позабыв о тоске. — Олежик, ты гений! Наша личная восточная сказка...

— Устроим настоящую костюмированную вечеринку, —

мечтательно улыбнулся он. — Я надену костюм арабского принца, а ты будешь моей покорной наложницей...

— Ну уж нет! — гордо вскинула подбородок Ева. — Я буду восточной принцессой. Гордой и независимой. На меньшее не согласна.

— Воительница моя, ладно, опусти саблю, — рассмеялся Олег, целуя её ладонь. — Я люблю тебя любой. И сильной, и слабой.

— И я тебя...

— Если, конечно, ты сможешь обхитрить своего тренера, — добавил он с сомнением. — Он ведь ни за что не отпустит тебя одну на Ближний Восток.

— Я что-нибудь придумаю, поверь! Жди меня, я приеду.

...Жестокая реальность ворвалась в воспоминания Евы, с корнем выдирая её из ментального убежища. Сказка обернулась кошмаром. Костюмированная вечеринка стала явью, но роли распределились совсем не так, как они планировали.

Она лежала на широкой чужой постели, парализованная болью. Ткань белья казалась ледяной, рассеченная губа го-

рела огнем.

Над ней, заслоняя свет люстр, возвышался Салман. Его тяжелое дыхание обжигало кожу шеи, а в темных глазах не было и капли той бережной нежности, которую дарил Олег. Там царил лишь голый, торжествующий инстинкт хищника, который загнал добычу в угол и теперь собирался взять то, что, по его мнению, принадлежало ему по праву силы.

Две недели пролетели как один безумный, непрекращающийся день. Изнуряющий спортивный режим не оставлял зазоров для рефлексии: интенсивный токийский лед дважды в день, питание строго по граммам, восстановительный массаж и мертвящее нервы напряжение самих соревнований. В этом бешеном ритме у Евы просто физически не оставалось сил думать. Всё её существо было подчинено одной цели — чисто откатать программу.

Но когда медали были розданы, а последнее выступление осталось позади, наступил день отлета. С самого утра Ева буквально порхала по гостиничному номеру, едва сдерживая рвущуюся наружу радость. Сердце сладко замирало.

«Сегодня начнется совершенно новая жизнь, — думала

она, разглядывая свое сияющее отражение в зеркале. — Моя личная восточная сказка. Олег возьмет меня за руку, посмотрит своими влюбленными глазами и скажет: „Пойдем со мной...“ И будет у нас неделя вдвоем, густая и сладкая, как рахат-лукум».

Российские спортсмены — шумные, уставшие, обвешанные багажом — уже прибыли в аэропорт Нарита и потянулись к стойкам паспортного контроля. Ева поняла: пора. Она решительно шагнула вперед, отвела тренера в сторону, подальше от любопытных ушей команды, и твердо заявила, что не летит в Россию.

— Мне нужно побыть одной, — отчеканила она, глядя мужчине прямо в глаза. — И серьезно подумать о будущем.

— Что тебе мешает сделать это дома? — тренер остановился, нахмурившись.

— Давление, — горько усмехнулась Ева. — Дома вы с мамой контролируете каждый мой шаг. Я чувствую себя в клетке. Поэтому я остаюсь в Токио на неделю. Может, дольше.

— Поехали домой, Ева, — мужчина был непреклонен, его голос звучал строже. — Я сдаю тебя в аэропорту лично в руки матери, а там делай что хочешь. Это ваше семейное де-

ло. Но отсюда ты улетаешь со мной.

— Я устала. Правда устала, — Ева едва не взмолилась, но вовремя сдержала лицо. — Я хочу просто отдохнуть от этого вечного льда.

— Хорошо, я даю тебе целый месяц официального отпуска, — пошел на компромисс тренер. — Но в Москве.

— В конце концов, я имею право решать за себя! — вскипела девушка, понимая, что время поджигает, а очередь к стойкам движется слишком быстро. — Послезавтра мне исполнится восемнадцать. Вы не имеете права меня удерживать.

— Тем более води себя по-взрослому, — парировал он, скрестив руки на груди. — Не принимай глупых решений на горячую голову.

— Если вы будете настаивать, — Ева сделала глубокий вдох, ставя на карту всё, — я сегодня же, прямо сейчас, объявлю журналистам, что ухожу из большого спорта. Навсегда. И никто не заставит меня изменить решение. Но в Москву я сегодня всё равно не полечу.

Она стояла перед ним — тоненькая, хрупкая и пугающе

решительная. Тренер опешил. Послушная, исполнительная Ева впервые в жизни так яростно, в лоб, шла на таран.

Сначала он и слышать об этом не хотел, злился и грозился набрать матери. Но после минутного, изнурительного противостояния под ледяным взглядом фигуристки ему пришлось отступить. Терять золото сборной и главную фаворитку сезона из-за девичьего бунта он не мог. Сухо попрощавшись и сквозь зубы пожелав ей хорошего отдыха, тренер развернулся и быстрым шагом пошел догонять ушедшую вперед команду.

Спустя три часа Ева, оглушенная собственной смелостью и свободой, сидела в терминале вылета. В сумке лежал билет на совсем другой рейс: Токио — Аль-Бахра. Телефон вибрировал от непрерывных сообщений. Они с Олегом строчили друг другу восторженные смс, до конца не веря, что их дерзкий план сработал и через десять часов они будут вместе.

Уже в кресле самолета, когда борт отчаливал от рукава, она получила последнее сообщение:

«Не волнуйся, маленькая, я встречу тебя в Аль-Бахре. Отель забронирован, тут нереальная красота. И готовься: у

меня для тебя огромный сюрприз на послезавтра... Люблю тебя. Жду».

Ева улыбнулась, прижала телефон к груди и прикрыла глаза под нарастающий гул турбин. Самолет оторвался от земли, унося её в чистое, залитое солнцем небо.

...Из этого воспоминания её выдернул сухой, свистящий звук рвущейся ткани.

Она снова была здесь. В душной спальне, пропитанной запахом чужого тела и дорогого парфюма. Салман, навалившись всем весом, железной хваткой вжимал её запястья в матрас, а свободной рукой грубо рвал на ней белье.

Ева дернулась, из груди вырвался отчаянный крик, но звук потонул в тяжелых шелковых подушках. Иллюзии рухнули. Плен обернулся казнью, а человек, забравший её свободу, не собирался щадить свою добычу.

Его свинцовая масса перекрывала кислород. Матрас под спиной глубоко просел, мир сузился до размеров чужого лица над ней. В нос ударил густой, удушливый аромат его одеколona, который отныне навсегда станет для неё синонимом личного ада.

— Прекрати...Пожалуйста...Господи... — хрипела Ева, задыхаясь под его тяжестью.

От натренированной годами спортивной стойкости не осталось ничего. В одну секунду она превратилась в перепуганного ребенка, столкнувшегося с абсолютной, первобытной силой. Из глаз текли горячие слезы, размывая запекшуюся кровь на бледной щеке.

Салман лишь хладнокровно, почти лениво прищурился. В его мире чужая беспомощность была не призывом к милосердию, а лучшим подтверждением его безграничной власти.

— Молишься? Поздно, девочка, — его вкрадчивый шепот обжег ухо. — Здесь нет твоего Бога. Здесь есть только я.

Одной рукой он железным кольцом перехватил оба её запястья, завел их за голову и с силой впечатал в изголовье — так, что в суставах что-то сухо хрустнуло. Ева вскрикнула от резкой вспышки боли. Другой рукой Салман, не глядя, с треском рванул вниз край её белья, обнажая хрупкое, беззащитное тело.

В этот момент внутри Евы что-то окончательно оборвалось. Чистота, которую она так бережно хранила для Оле-

га, её неприкосновенность, бывшая её тихой гордостью, теперь сдиралась с неё вместе с клочьями ткани. Парализующий ужас перед неизбежным накатил сокрушительной волной. Она физически осознала: через несколько секунд жизнь разделится на «до» и «после», и то, что произойдет сейчас, невозможно будет ни исправить, ни забыть.

Отчаяние на миг вернуло ей безумную, судорожную силу. Ева забилась под ним, пытаясь ударить коленом, вывернуться, исчезнуть. Она кричала — громко, сорванным, скрежещающим голосом, вкладывая в этот крик всё свое сопротивление.

— Тварь! Не смей! Помогите!!

— Заткнись! — рявкнул Салман.

Его терпение выгорело. Лицо потемнело, превратившись в жесткую маску. Пользуясь её беспомощностью, он навалился всей массой, разводя её колени в стороны и лишая последней возможности защитить себя.

Ощущения достигли предела, становясь почти невыносимыми. Ева чувствовала каждый нюанс: леденящий холод шелковой простыни под спиной, удушающий, тяжелый жар его кожи сверху, жесткие пальцы, впивающиеся в бедра и

оставляющие багровые следы. Время замедлилось, превращаясь в густую, липкую субстанцию.

— Смотри на меня, — процедил Салман, сжимая её челюсть так, что зубы клацнули друг о друга. — Смотри и запоминай, чья ты теперь.

Ева с трудом разомкнула веки. Сквозь пелену слез она встретила его торжествующий, безжалостный взгляд. И в этот момент, когда надежды не осталось, внутри неё воцарилась жуткая, звенящая пустота. Страх отступил, уступая место мертвому, ледяному оцепенению. Психика, спасая себя от безумия, просто выключила эмоции.

Когда произошло то, неизбежное, Ева не закричала. Из груди вырвался лишь глухой, задушенный хрип, а пальцы судорожно впились в шелк простыни, срывая ногти. Острая, разрывающая физическая боль слилась с ощущением полного, необратимого краха — будто её душу заживо выламывали из тела.

Это было не просто насилие. Салман методично, сознательно уничтожал её личность, её гордость, её право на будущее. Восточная сказка, в которую она так слепо верила, захлопнулась, превратившись в душный, глухой склеп.

Она лежала неподвижно, уставившись пустым, невидящим взглядом в причудливые узоры расписного потолка. Перед глазами почему-то кружились хлопья московского снега и белая, зеркальная гладь катка, где они когда-то смеялись с Олегом. Но этот чистый образ таял, стремительно растворяясь в темноте. Реальность сомкнулась над ней, и из этого капкана бежать действительно было некуда.

Глава 2

Весь следующий день Ева не выходила у Салмана из головы. Чем бы он ни занимался — проверкой логистических отчетов, телефонными переговорами с европейцами или ленивым обходом владений, — перед его глазами неотступно стояло её бледное, искусанное в кровь лицо.

Ему не давала покоя мысль о том, как именно он взял её. В этом не было вины — Салман не знал, что это такое. В его системе координат отсутствовали сожаление, религиозный страх или банальная жалость к испуганной девчонке. Жалость он презирал, считая её клеймом слабаков. Это было другое чувство — темное, непривычное, не поддающееся логике, и эта неспособность контролировать собственные мысли его бесила.

Он слишком давно не испытывал ничего подлинного. Салман был уверен, что его сознание способно генерировать лишь три реакции: азарт погони, вкус победы и сытый триумф. Но сегодня его упрямо возвращало в ночную спальню.

Да, он смял её. Подчинил. И случись всё снова, он повторил бы это без секундного колебания, потому что привык брать то, что хочет. Но, возможно... случись это снова, он

действовал бы иначе. Без той слепой, карающей ярости, которая едва не лишила его рассудка.

Вся его жизнь была войной. Руководствуясь принципом «разделяй и властвуй», Салман методично зачищал конкурентов и убирал бывших союзников, пока не замкнул на себе все теневые потоки региона. На этом пути у него не было права на ошибку. Он не прощал промахов и своим людям, карая за малейший намек на непослушание.

Больше всего Салман ненавидел трусость. Он искренне считал, что именно страх делает человека гнилым, толкая на предательство ради спасения шкуры. Он привык к тому, что сильные и опасные на первый взгляд мужчины ломались на допросах, ползали в ногах и сдавали близких.

Но эта русская спортсменка оказалась прочнее многих из них.

Салман ловил себя на том, что думает о ней с каким-то мазохистским упорством. Тонкая, хрупкая, физически незащитная — но когда капкан захлопнулся, она не забилась в глухой истерике. Она молчала всю эту бесконечную, страшную ночь. Кусала губы, судорожно сжимала простыни, но не подарила ему ни одного просящего звука, ни единого знака капитуляции. Она смотрела на него взглядом, в котором

сквозь ужас горела глухая, неукротимая ненависть.

Салман понимал: если бы Ева сдалась сразу, если бы разрыдалась и покорно приняла участь, она в ту же секунду растворилась бы в безликой массе рабынь и наложниц. Из тех, о ком забываешь, едва застегнув пуговицы на одежде. Он мгновенно потерял бы к ней интерес, списав как отработанный товар.

Но её тело было осквернено, а дух остался недостижим.

Салман почувствовал в ней ту редкую, породистую внутреннюю силу, которую всегда ценил в людях больше всего. Эта готовность сломаться физически, но не склонить голову, загипнотизировала его. В груди снова зажегся опасный азарт. Он понял, что именно этой непокорностью она его и зацепила. Она не просто выжила — она заставила хищника думать о добыче с непривычным, жгучим уважением. И теперь ему было мало владеть её телом. Он хотел подчинить её душу.

Салман сдержал слово: отсюда действительно некуда было бежать. Спальня с шелковыми простынями и мрамором оказалась лишь декорацией для казни. Теперь её личным адом

стала крошечная, душная комната в подвале. Окон здесь не было; не считая небольшого отверстия в стене, у самого потолка. Тусклая лампочка, упрятанная в железную решетку, монотонно отсчитывала часы одиночества.

Что делать? Этот вопрос пульсировал в висках. Сумма выкупа, которую назвал Салман, была астрономической. Есть ли вообще у Олега такие деньги? Ева мерила шагами тесный цементный пол, и каждый шаг отзывался тупой болью в измученном теле. Но даже если эта сумма существует... Захочет ли он отдать всё, что заработал, ради девчонки, с которой они встречались всего несколько месяцев? Ради сломанной вещи, в которую её превратили за одну ночь? Ева ловила себя на том, что уже ни в чем не уверена. Она больше не знала, имеет ли право надеяться.

Изнуряющее хождение от угла к углу, от стены к двери, было единственным способом удержаться на краю безумия. Эти метания не давали спасительных решений, но хотя бы немного притупляли первобытный ужас.

Если у неё и оставались детские иллюзии, то прошлая ночь их выжгла. Реальный мир оказался далек от ледовой арены, строгой матери и деспотичного тренера. На катке врагами были соперницы по сборной, конкурентки и предвзятые судьи. Там худшим исходом становился срыв каскада и

потеря медали.

Мир оказался куда грязнее и страшнее. Он состоял из Салманов — расчетливых, беспощадных хищников, ломающих чужие жизни ради ощущения собственной власти. И сейчас Ева стояла перед этим человеком совершенно одна. Надеяться можно было только на себя. Слабое, почти ничтожное утешение для фигуристки, запертой под землей посреди чужой пустыни.

Просто сидеть и ждать выкупа — путь на плаху. Никто не гарантировал, что Олега не перехватят, что деньги дойдут или что Салман вообще оставит её в живых после передачи сумок с валютой. Слишком крупный свидетель. Ева стиснула кулаки, останавливаясь посреди камеры. Нужен был план «Б». Любой, даже самый безумный способ выбраться самостоятельно. Ей нужно было выжить.

Скрежет металла заставил её вздрогнуть. Ключ дважды провернулся в замке, и тяжелая дверь с глухим вздохом приоткрылась. В проеме показалась немолодая арабка, которая приводила в чувство Еву в первый день. Женщина беззвучно вошла. За её спиной тут же захлопнулась дверь, и снаружи снова щелкнул замок — охрана бдела.

В руках служанка держала поднос. Не поднимая глаз, она

опустилась на корточки, поставила его на бетон возле жесткого матраса и коротко, повелительно кивнула на тарелку.

— Do you speak English? — в очередной раз хватаясь за соломинку, спросила Ева. Голос сорвался на хрип.

Глухое молчание было ответом. Женщина даже не взглянула на неё.

— Вы говорите по-русски? Вы хоть немного меня понимаете? — в отчаянии подалась вперед девушка.

Лицо женщины оставалось неподвижным, словно маска. Она казалась безмолвным призраком этого подвала. Однако, заметить, как сильно дрожат губы пленницы, арабка на секунду помедлила.

— Латифа, — негромко, гортанно произнесла она и прижала сухую ладонь к груди, обтянутой темной тканью платья.

— Вас зовут Латифа? — быстро переспросила Ева, и внутри впервые робко шевельнулось тепло.

Женщина едва заметно наклонила голову.

— Ева... Меня зовут Ева.

Девушка попыталась слабо улыбнуться разбитыми губами, протягивая руку, но Латифа снова замкнулась, проигнорировав жест, и опять указала на поднос.

Ева чувствовала, как внутри всё горит от пережитого шока. Она подошла, взяла стакан и залпом, судорожно выпила воду до последней капли. К еде она не прикоснулась — не было ни физических сил, ни желания принимать что-либо от этого дома. Оставив поднос, она бессильно опустилась на матрас.

Несколько минут они сидели в душной тишине подвала, неподвижно, напряженно изучая друг друга. Латифа смотрела тяжело, с затаенной, вековой тоской в темных глазах. Ева пыталась отыскать в сетке её морщин хотя бы намек на человеческое тепло.

И вдруг Ева не выдержала. Напряжение сорвало внутренние предохранители. Она резко подалась вперед, рванулась со своего матраса и, прежде чем служанка успела отпрянуть, мертвой хваткой вцепилась в её сухие, мозолистые ладони.

— Пожалуйста... Пожалуйста, помогите мне! Я умоляю вас! — голос Евы сорвался на глухой, сухой плач. — Я не знаю, что делать... У Олега нет таких денег. Ему не выпла-

ТИТЬ ЭТОТ ВЫКУП!

Латифа испуганно дернулась. Она попыталась силой вырвать руки, но Ева, подстегиваемая отчаянием, продолжала крепко, до боли удерживать её пальцы.

— Я знаю, что вы не понимаете слов! Но вы же женщина! Вы же видите, что здесь происходит! Салман меня просто прикончит... Зароет в песок, как обещал! А я хочу жить, слышите? Я просто хочу жить! Помогите мне сбежать... У вас же наверняка есть свои дети!

Слово «дети», вытолкнутое с дикой, звенящей болью, подействовало на Латифу как удар бича. Лицо служанки искалось. словно от ожога, она со всей силы рванулась назад, окончательно выкручивая свои руки из пальцев Евы. Секунду женщина замерла, тяжело, прерывисто дыша, а затем бросилась к выходу.

Латифа принялась неистово колотить кулаками в дубовую дверь, выкрикивая стражникам что-то гортанное, паническое на арабском.

— Пожалуйста! — в бессилии крикнула Ева ей в спину, поднимаясь с колен. Слезы жгли глаза, горло сдавило удушьем. — Неужели вам её не жалко?! Неужели в вас вообще

ничего не осталось?!

Ответом на её крик стал резкий стук распахнувшейся двери, в проеме которой мелькнула и исчезла темная фигура служанки. Дверь захлопнулась, и яростный, издевательский лязг замка запечатал подвал.

Ева осталась одна. План «Б» рухнул, так и не начавшись.

Салман провел день в городе: сорванные поставки, жесткие разборки с таможенными посредниками, ворох дел. Возвращаться в поместье не имело смысла, и он решил остаться на ночь в городской резиденции.

Сидя в глубоком кожаном кресле и лениво потягивая черный кофе, он смотрел сквозь панорамное окно на огни мегаполиса. Но мысли, вопреки логике, снова соскальзывали к подвалу поместья.

Салман недовольно поморщился, вспомнив, как вчера потерял контроль и перегнул палку. В нем не было раскаяния, лишь холодный расчет заставил его потянуться к телефону. Он набрал Мусу и, как только начальник охраны ответил, отрывисто приказал:

— Передай Латифе, пусть займется девчонкой. К завтрашнему вечеру она должна привести её в полный товарный вид.

Салман слишком хорошо знал специфику своего региона. Без должного ухода ссадины и трещины на коже пленницы могли воспалиться. Инфекция в пустыне развивалась мгновенно, а гематомы портили эстетику кадра.

Сейчас, пока Ева была ему интересна, пока он не насытился её сопротивлением и не выпил до дна её гордость, ему было важно, чтобы она сохраняла свою редкую, породистую красоту. Ему нужно было совершенное зрелище, а не угасающая от лихорадки заложница. Что станет с ней потом, Салмана не волновало — как только пожар внутри утихнет, её судьба превратится в пыль. Но прямо сейчас она должна была цвести. Для него одного.

В успехе приказа он не сомневался. Старая Латифа слыла искусной травницей, обладающей древними знаниями бедуинов. Она знала секреты мазей и настоек, способных поднять мертвого, излечить гнилую рану или развязать язык с помощью особых чаев.

Она не раз доказывала преданность, вытаскивая его людей

с того света после стычек. Салман знал: эта женщина сделает всё как надо. К его возвращению строптивая русская фигуристка снова должна была выглядеть безупречно.

Часов у Евы не было — их отобрали вместе с документами и вещами. В бетонном мешке, где под потолком вечно тлела лампочка, время превратилось в серую вязкую массу. Ориентироваться приходилось по звукам в коридоре. Когда за дверью снова раздался скрежещущий лязг, внутри у Евы всё заледенело. Она поняла: дело к ночи. Пришли за ней.

Леденящая дрожь мгновенно прошла по телу. Когда дверь распахнулась и в проеме возник Муса — массивный, молчаливый, со страшным шрамом через всё лицо, — сердце Евы пропустило удар. Начальник охраны коротко, со звериным равнодушием кивнул: выходи.

Она замерла. В сознании удушливым рывком всплыли образы прошлой ночи: тяжесть чужого тела, хруст ткани и острая боль. Страх затапливал разум, перекрывая кислород.

«Соберись, Ева. Слышишь? Некогда раскисать!» — приказала она себе, выкапывая из-под завалов ужаса остатки железной воли. — «Вспомни, как выходила на лед, когда но-

ги были ватными. Возьми себя в руки. Только так ты выживешь».

Она судорожно вдохнула спертый воздух подземелья, открыла глаза и сделала первый шаг навстречу конвоиру.

Они шли долго. Муса тяжело шагал впереди, Ева едва поспевала на ослабевших ногах. Сначала они петляли по узким коридорам, затем поднимались по крутым каменным ступеням. Наконец подвал остался позади. Они вышли в жилую часть особняка, но Муса повел её не в спальню Салмана, а в противоположное крыло. Они миновали галереи с огромными окнами; снаружи лежал ночной сад, и в помещение проникал сладковатый запах экзотических цветов.

В конце уединенного коридора Муса остановился возле массивной двери и коротко, требовательно постучал.

Ева опешила, когда дверь открыла Латифа. На её морщинистом лице не отразилось ни тени узнавания. Арабка едва заметно кивнула, впуская их. Как только Ева переступила порог, служанка бесшумно закрыла дверь перед самым носом Мусы и повернула ключ в замке.

Еву крупно колотило. Больше всего на свете она боялась увидеть выходящего из тени Салмана. Тело ныло, мышцы

были словно выпотрошены, и она понимала, что не сможет оказать ему даже символического сопротивления. Сжимаясь в комок, Ева ждала, что сейчас откроется смежная дверь и её заставят снова пережить прошлую ночь.

Однако, осмотревшись, она заметила скромную, почти уютную обстановку. Это помещение не было похоже на покой хозяина дома. Повсюду стояли глиняные горшки, с потолка свисали пучки сушеных трав, наполняя воздух густым, лекарственным ароматом, а на полках теснились склянки с темными настойками. Похоже, здесь жила сама Латифа.

Измученный мозг отказывался искать логику. Зачем её привели сюда среди ночи? На периферии сознания промелькнула дикая, отчаянная мысль: «Даже если меня привели убить — это лучше. В тысячу раз лучше, чем новая встреча с ним».

Но убивать её никто не собирался.

Латифа взяла оцепенелую девушку за локоть и повела в примыкающую ванную. Там исходила паром большая купель. Вода в ней была необычного, глубокого болотного оттенка, а на поверхности плавали семена и лепестки незнакомых растений. От тепла поднимался плотный, дурманящий запах степного луга.

Когда Ева сбросила платье и под бдительным, но лишенным враждебности взглядом старухи опустилась в воду, кожу пронзило спасительное тепло. Травяной сбор действовал мгновенно: стоило воде принять её, как тупая, изнуряющая боль в суставах начала каплей за каплей отступать.

После ванны Латифа долго, методично ухаживала за ней. Она усадила девушку на тахту и сухими, теплыми ладонями принялась круговыми движениями втирать в её кожу мази собственного приготовления. Прохладные субстанции с запахом ментола и хвои успокаивали воспаленные участки, стягивая царапины. Багровые гематомы бледнели на глазах. Затем Латифа поднесла к её губам пиалу с густой, горькой настойкой. Ева выпила всё. По телу тут же разлилась тяжелая волна, умиротворяя разорванные нервы.

Сквозь пьянящую пелену лечебного сна до неё дошло главное: сегодня встречи с мучителем не будет. Салмана нет в особняке.

Уже под утро, когда за узким окном зажегся бледный предрассветный туман, Ева окончательно провалилась в беспамятство. Она не почувствовала, как в комнату вошел конвоир и, подхватив её, спящую, отнес обратно в подвал. Её тело было исцелено, но впереди её ждал вечер, возвращение

хозяина и новый круг её личной войны.

Глава 3

Сидеть в тесной, пустой конуре целыми днями в абсолютном одиночестве — та еще пытка для разума. В подвале время словно застыло в одной звенящей точке, оно вообще не двигалось. А Еве, если верить её внутреннему счетчику, оставалось ждать здесь еще долгих четыре дня до обозначенного Салманом срока.

Она была прагматиком и прекрасно понимала: никто не принесет ей сюда на блюдечке с золотой каемочкой смартфон, подключенный к интернету, чтобы ей было не так скучно коротать удушливые часы. Но господи, ей бы сейчас хоть какую-нибудь книжку, самую захудалую, старый журнал или обрывок газеты на любом понятном языке... Просто для того, чтобы хоть ненадолго занять воспаленный мозг, отвлечься от дурных, липких мыслей и быть хоть самую малость в курсе того, что сейчас происходит там, на поверхности. В мире, который когда-то был её домом.

Ева до сих пор не знала, что на самом деле произошло в тот страшный день в этой чужой, непонятной стране. Это и вправду была война? Настоящее военное вторжение? Если да, то с кем? С кем они воюют в этих бесконечных песках? Почему всё случилось так внезапно, без единого наме-

ка? Почему мирных людей никто не предупредил заранее? Сколько жизней можно было бы спасти, скольких невинных жертв избежать...

Лежа на матрасе и глядя в серый потолок, Ева отчетливо, до мельчайших деталей помнила каждое мгновение того проклятого дня, когда она летела в самолете и с глупой, счастливой улыбкой считала часы до встречи с Олегом.

Когда командир экипажа по громкой связи объявил, что их лайнер совершил посадку в международном аэропорту города Аль-Бахра, столицы Королевства Самарра, на часах было всего пять утра. За иллюминатором стояла глубокая, сине-черная южная ночь. Ева тогда с жадным, детским интересом прильнула к стеклу, разглядывая распластавшийся внизу аэровокзал, который встречал их миллионами приветливых огней. За свою спортивную карьеру она успела посетить множество стран, где проходили грандиозные чемпионаты, но на Ближнем Востоке ей бывать еще не доводилось — не складывалось.

И теперь, с волнением спускаясь по металлическому трапу самолета, она впервые в жизни глубоко вдохнула этот сухой, горячий, пахнувший пряностями и пылью воздух арабской земли. Её сердце колотилось в груди так сильно, что едва не выпрыгивало наружу. Девушка еле сдерживала счаст-

ливую дрожь. Она была уверена, что Олег уже совсем рядом — стоит там, в шумной зоне ожидания на выходе, переминается с ноги на ногу и с нетерпением высматривает её в толпе пассажиров.

Такой большой, надежный и сильный, со своим мужественным, красивым лицом и абсолютно по-детски открытым, добрым сердцем. Её любимый Олежик. Тот единственный человек на земле, который мог с легкостью взять её, хрупкую, в охапку и укрыть от всех проблем и штормов этого мира в своих крепких, теплых руках. Она так безумно по нему скучала эти две недели. Она уже буквально считала минуты до их первого поцелуя.

Но всё пошло не так. А что именно случилось — она так и не успела понять.

В течение каких-то нескольких минут прямо у нее на глазах привычный, безопасный мир с грохотом перевернулся и рухнул.

Сначала предрассветный воздух сотряс страшный, утробный рокот, от которого заложило уши и задрожала земля под ногами. В следующую секунду в бледнеющем небе со свистом появились клинья истребителей, и тут же, без предупреждения, началась массированная бомбежка. Во-

круг воцарился крошечный ад. Никто ничего не понимал, люди в панике метались из стороны в сторону. Всё взрывалось, горело, стены терминала рушились, во все стороны летели осколки стекла и бетона. Воздух мгновенно заполнился криками, истошными женскими истериками и стонами раненых. Толпа хлынула врассыпную, сметая всё на своем пути. Кто-то падал, поднимался и бежал дальше, умываясь кровью, а кто-то так и оставался лежать на раскаленном асфальте неподвижным серым холмиком.

Ева, поддавшись всеобщему испугу и инстинкту выживания, тоже побежала.

Она неслась по какому-то огромному, запыленному пустырю за пределами взлетной полосы, совершенно не разбирая дороги. Временами она на ходу оглядывалась на оглушительный шум очередного взрыва, молясь лишь об одном — оказаться как можно дальше от этого страшного, полыхающего места. В какой-то момент, когда легкие уже разрывались от нехватки воздуха, она остановилась, чтобы перевести дыхание и осмотреться. Впереди, совсем недалеко, Ева увидела густую пальмовую рощу, которая зеленой стеной простиралась до самого горизонта. Собрав последние силы, она бросилась к ней.

Опустившись на сухую землю прямо под раскидистой

пальмой, спрятавшись в тени её широких листьев, Ева наконец-то дала волю сковавшим её эмоциям. Навзрыд, до удушья разрыдавшись от пережитого шока, она закрыла лицо руками. Ей было страшно за себя, но еще страшнее — за него. Ведь в то самое время, когда упали первые бомбы, Олег должен был находиться в здании аэропорта. Он ждал её там.

Ева боялась даже на секунду представить, что с ним могло случиться что-то непоправимое. Где он сейчас? Как он? Все ли с ним в порядке? Жив ли он вообще?! От этих мыслей сознание уходило в глухую прострацию. Мозг отказывался работать рационально. Что делать? Куда идти в абсолютно чужой стране, охваченной войной?

Она судорожно достала из кармана телефон, попыталась подключиться к международному роумингу, но всё было тщетно — сеть лежала намертво, связи не было. В этот момент у Евы появилось жуткое, леденящее ощущение, будто она по какой-то нелепой ошибке оказалась совершенно одна на чужой, мертвой и враждебной планете.

Поскольку аэропорт находился относительно недалеко от черты города, Ева, сидя под пальмой, отчетливо слышала глухие, раскатистые взрывы, которые теперь доносились со стороны жилых кварталов. Значит, город тоже бомбили. Поразмыслив и немного успокоившись, она приняла решение

отсидеться в роще, пока этот кошмар не прекратится, а уже потом пробираться в центр и искать Российское посольство. Пожалуй, в её ситуации это было самым приемлемым, логичным и единственно правильным решением.

Наконец, ближе к обеду канонада и гул самолетов поутихли. В округе воцарилась зловещая тишина. Ева поднялась и двинулась в путь. Минут через сорок тяжелого шага она вышла к асфальтированной дороге, но выходить на саму трассу не решилась. Если началась война, по ней в любой момент могла пройти техника вражеской армии. Животный страх оказаться в плену, да еще и в качестве иностранного шпиона, заставил её идти параллельно дороге — прямо по полю, увязая ногами в глубоком, раскаленном песке. Ориентиром для нее служили лишь силуэты городских высоток, смутно видневшиеся в мареве примерно в десятке километров впереди.

Часа через три изнурительного пути израненная и изможденная Ева наконец добралась до окраины города. Район казался вымершим: на опустевших, засыпанных пылью улицах она не встретила ни одной живой души. Девушка шла вдоль фасадов домов, высматривая глазами хоть какую-нибудь открытую дверь. Но все лавки, магазинчики и кофейни, расположенные на первых этажах, были наглухо заперты железными роллетами, хотя яркие вывески над ними всё еще го-

степриимно приглашали путников зайти внутрь.

Вдруг, на её огромное счастье, одна из небольших лавочек впереди оказалась приоткрытой. Впервые за эти страшные полдня Ева легко, с облегчением вздохнула и радостно, забыв об осторожности, рванула прямо к ней.

Обеденное солнце пекло нещадно, жажда была просто невыносимой, и первая мысль, бившаяся в её голове, была о воде — просто напиться. Внутри лавки сидели двое местных мужчин. Ни один из них не говорил по-английски, но Еве с огромным трудом, на пальцах и полусловах всё-таки удалось объяснить им, что она иностранка, ищет Российское посольство и безумно хочет пить.

Мужчины, переговариваясь на своем гортанном языке и радостно, широко улыбаясь, тут же продемонстрировали растерянной девушке чудеса восточного гостеприимства. Один из них радушно достал из холодильника большую запотевшую бутылку прохладной воды, наполнил чистый стакан и протянул ей. Ей даже вежливо предложили присесть на низкий табурет.

Ева потянулась за спасительной влагой, сделала первый глоток... а в следующую секунду второй мужчина сзади с размаху огрел её по голове чем-то тяжелым.

Мир вокруг мгновенно раскололся, и сознание померкло, погрузившись в абсолютную темноту. Впоследствии, когда она в первый раз пришла в себя, то обнаружила, что сидит в мчащейся куда-то машине, со связанными за спиной руками, плотным строительным скотчем на рту и черным удушливым мешком на голове. Восточная сказка закончилась, так и не успев начаться.

Глава 4

Завтра... Уже завтра.

Неделя, показавшаяся Еве бесконечным, вязким кругом, почти истекла. Семь дней в бетонном мешке, где каждый вдох давался с трудом, а темнота приносила одни и те же кошмары. Завтра всё должно было закончиться.

Или нет. Эта мысль отравляла последние крохи надежды. Они ведь слишком мало знали друг друга — всего ничего, яркая, короткая вспышка между её тренировками и его матчами. Успели ли они прорасти друг в друга настолько, чтобы человек пошел ради тебя на смерть? Сумма, которую затребовал Салман, была нереальной, астрономической. Вдруг все её ожидания напрасны? Вдруг никто не придет за ней в этот дом?

Завтра наступит пугающий момент истины. Что её ждет дальше? Родина, самолет, безопасность... или этот подвал навсегда? Воспаленный мозг за цикливался на одних и тех же вопросах, ответов на которые не существовало.

Ева неподвижно сидела на матрасе, обхватив руками согнутые ноги и уткнувшись подбородком в колени. В полу-

мраке подземелья её фигура казалась совсем крошечной, почти прозрачной. Она невидящим взглядом смотрела в трещину на серой стене.

Внезапно в тишине резко повернулся ключ. С тяжелым стуком распахнулась дверь. Ева даже не вздрогнула — нервы были выжжены дотла. На пороге стоял Муса. Он вошел и остановился напротив, нависая над ней всей своей массивной фигурой. Она не подняла глаз.

— Давай без глупостей, — ровным, леденящим и абсолютно спокойным тоном произнес Муса. — Салман хочет тебе кое-что показать. Тебе будет интересно. Пошли.

— Я никуда не пойду, — глухо отозвалась она, еще сильнее сжимаясь в комок.

— Это в твоих интересах, — равнодушно обронил начальник охраны.

— А если я откажусь? — Ева резко вскинула голову. Бледное лицо исказилось от ярости, глаза зло блеснули из-под растрепанных волос. — Что тогда? Свяжете и понесете, как в прошлый раз?!

— В другое время — да, не задумываясь. Но не сегодня,

— Муса оставался монументально спокоен. — Повторяю: это нужно тебе. Ну?

Она думала несколько минут, взвешивая каждый вдох. Терять было нечего, а неизвестность пугала сильнее, чем новая встреча с хозяином дома. Ева молча, преодолевая слабость в коленях, поднялась. Не говоря больше ни слова, Муса развернулся и вышел в коридор. Она последовала за ним.

Они поднялись в жилую часть особняка, но на этот раз конвоир повел её туда, где она еще ни разу не была — вглубь личных покоев Салмана.

Когда тяжелые резные двери распахнулись, Ева на секунду замерла: размеры комнат просто поражали воображение. Как и весь остальной дом — или, скорее, та роскошная его часть, в которой ей довелось побывать до спуска в подвал, — апартаменты хозяина были обставлены невероятно дорогой, эксклюзивной мебелью и по-восточному щедро, почти кричаще сдобрены золотыми аксессуарами, коврами ручной работы и тяжелым бархатом.

Но если в самый первый день своего пребывания здесь Ева, будучи наивной гостьей, была искренне восхищена богатством и великолепным убранством этого огромного дворца, то теперь всё это золото вызывало у нее лишь тошноту.

Сейчас этот дом казался ей абсолютно мертвым и холодным. Настоящий склеп... Роскошная, сияющая гробница, которая питалась человеческими слезами, болью и чужими страхами. Место, где не было и не могло быть ни любви, ни просто человеческого счастья. Здесь никогда не знали, что такое искренняя радость и веселье, здесь никогда не было слышно топота маленьких детских ножек и заливистого, чистого смеха... Только золотая клетка, пропитанная насилием.

Когда девушка переступила порог гостиной, Салман уже ждал её. Он вальяжно сидел на огромном шелковом диване, закинув ногу на ногу. При виде вошедшей Евы его губы тронула соблазнительная, хищная улыбка, в которой сквозило абсолютное торжество.

— Я очень рад тебя видеть, — мягко, почти ласково произнес он, обводя её взглядом. — Проходи, не бойся. Садись.

Он легким, царственным жестом указал на свободное место на диване, прямо возле себя.

Выглядел он, как и всегда, безупречно: белоснежная рубашка, безукоризненно уложенные волосы, а в воздухе вокруг него витало плотное, дурманящее облако дорогого, слегка терпкого восточного парфюма с нотками мускуса и сандала. Этот запах вьелся Еве в память навсегда, ассоции-

руясь исключительно с пережитым кошмаром.

Она не стала спорить. Демонстрировать гордость сейчас было бессмысленно. Молча, со стеклянным лицом, Ева прошла через комнату и села на указанное место, держась на безопасном расстоянии, готовая к любому удару судьбы.

Расстояние между ними на диване казалось Еве непреодолимой пропастью, но воздух вокруг буквально трещал от статического напряжения. Нервы девушки были натянуты как гитарные струны, готовые лопнуть от малейшего прикосновения. Она сидела замерев, каменея спиной, чувствуя, как внутри разрастается леденящее, глухое отчаяние.

— Что будешь пить? Чай, сок, может, что-то покрепче? — Салман улыбнулся, и его голос прозвучал мягко, обволакивающе. Он был сама любезность. Но эта фальшивая мягкость пугала сильнее открытой угрозы.

— Ты хотел мне что-то показать? Что? — Ева вытолкнула слова из пересохшего горла. Тон её был пугающе спокойным, лицо — маской из застывшего гипса. Ни тени страха наружу. Только мертвая, звенящая серьезность.

— Почему мы не можем поговорить как нормальные люди? — Салман картинно развел руками, в его темных глазах

промелькнуло искреннее недоумение.

— Потому что мы не нормальные, — отрезала Ева, глядя перед собой.

— Спорное утверждение, — его улыбка на секунду померкла, уступив место легкому, уязвленному замешательству.

— Зато честное... — Ева впервые повернула к нему голову, и её взгляд полоснул по его лицу, как бритва. — Ну так что я должна увидеть?

Салман шумно выдохнул сквозь зубы. Его забавляла её колючая дерзость, но терпение уже подтачивалось.

— Ну хорошо... смотри.

Он коротко щелкнул кнопками на пульте. Огромный экран, вмонтированный в стену, послушно ожил.

Ева вздрогнула. Сердце пропустило удар и бешено заколотилось у самого горла. С экрана на неё смотрело её собственное лицо — глянцевый официальный снимок с последних соревнований. Сухой голос диктора вещал на английском, дублируясь арабскими субтитрами:

«Российская фигуристка Ева Донская пропала в Японии. Спортсменка уже семь дней не выходит на связь. Телефон отключен, её местонахождение неизвестно. Посольство России в Токио официально обратилось к правительству Японии с просьбой оказать экстренную помощь в розыске...»

Ева смотрела на экран заворуженно, чувствуя, как внутри всё каменеет. Пальцы судорожно впились в обивку дивана. Мир раскололся окончательно.

— Почему тебя ищут в Японии? — Салман медленно повернулся к ней, его брови сошлись у переносицы. — Ева... При чем здесь Токио?

Она смотрела на свое сияющее фото и не узнавала эту девушку. Неужели это было всего неделю назад? У неё была мама. Она была гордостью страны. У неё была жизнь, расписанная по минутам и залитая светом софитов. У неё был Олег. Она была счастлива.

— Ты меня слышишь? — голос Салмана доносился словно сквозь толщу воды. — Что это значит?

А внутри набатом стучало: «Всё это только было. Теперь я стерта. А раз нет меня, значит, и прошлого тоже нет». Она

погружалась в глухое, тяжелое оцепенение.

Чтобы вывести её из ступора, Салман резко подался вперед, бесцеремонно схватил её за плечо и встряхнул.

— Ты слышишь меня?! Что с тобой?

Ева медленно повернула к нему голову. Её лицо было абсолютно бесстрастным, но в потемневших глазах горела такая концентрированная, ледяная ненависть, что он невольно ослабил хватку. Челюсти сводило от ярости, её мелко, наэлектризованно трясло. Адреналин выжигал остатки страха, мозг лихорадочно вычислял, чем и куда ударить человека, лишившего её будущего.

— Скажи мне... — её голос прозвучал как шелест сухой травы. — О чем ты мечтал, когда был маленьким? У тебя ведь были отец, мать, семья?

Салман нахмурился, вглядываясь в её лицо.

— Я тебя не понимаю. При чем здесь мое детство?

— Хорошо, — Ева продолжала сверлить его глазами, её голос набирал силу, звеня от сдерживаемых слез и гнева. — А о чем ты мечтал, когда вступил в свое совершеннолетие?

Скажи мне!.. Тебя тогда обижали? Унижали? Насиловали?!

— Женщина, что с тобой?! — рывкнул Салман, теряя самообладание. — При чем здесь мои мечты?!

— А ты знаешь, о чем Я мечтала в день своего совершеннолетия?! — Ева закричала, и этот крик разорвал тишину комнат. — Убить тебя! Потому что Ты, ничтожество, заставил меня мечтать об этом! Только Ты в этом виноват! И я сейчас... прямо сейчас все еще мечтаю об этом!

— Ева, заткнись! — Салман мгновенно перестал улыбаться. Лицо его потемнело, превратившись в жестокую маску.

— А то что?! — она задыхалась от собственной смелости, грань между страхом и безумием стерлась. — Опять меня избьешь?! Снова изнасилуешь?!

Мужчина сразу напрягся. На его смуглом лице, под кожей, нервно и опасно заходили тяжелые желваки. Руки сжались в кулаки.

— Скажи, — Ева продолжала наступать словами, как оружием, — ты с детства мечтал избивать и насиловать несчастных девочек, которые ничего тебе не сделали?! Мечтал убивать бедных людей, чья единственная вина была в том, что у

них не нашлось миллионов, чтобы откупиться от тебя?! Кто же виноват во всем этом, Салман?! Кто?! Почему ты это делаешь?!

— Я закрою твой грязный рот! — взревел он, окончательно потеряв контроль, и с размаху замахнулся для удара.

Но спортивная реакция спасла её. Ева коршуном вскочила с дивана, и его тяжелая ладонь со свистом прошла в каком-то сантиметре от её лица.

— А если бы на моем месте оказалась твоя родная сестра?! — Ева тяжело дышала, пятясь назад, вглубь комнаты. — Ты бы её тоже насиловал, пока твои родители не приползли бы к тебе с выкупом?! А если нет... тоже убил бы?!

— Ну всё... Тебя я точно убью! — крикнул Салман.

В глазах его полыхнуло безумие. Он протянул руку, схватил с низкого столика тяжелый хрустальный графин и с дикой силой швырнул прямо в нее. Ева едва успела отпрыгнуть. Графин пролетел мимо, с оглушительным звоном врезался в стену и разлетелся на сотни острых, сверкающих осколков.

Мужчина хищником кинулся за ней. Ева заметалась по комнате, судорожно пытаясь увернуться и не попасться в его

железные тиски. Краем глаза на прикроватном столике она заметила поднос с фруктами, а на нем — длинный, остро заточенный нож. Ей нужно было туда. Всеми силами, любой ценой добраться до оружия. Но для этого требовалось обойти Салмана, который перекрывал дорогу, словно непреодолимая стена.

Мужчина настиг её в один прыжок, поймал за руку и с силой притянул к себе. Ева пронзительно закричала. Извиваясь, она стала отчаянно бить его руками, целиться ногами в голени. Пытаясь укротить этот вихрь, Салман навалился сильнее, но потерял равновесие на скользком ковре. Они вместе рухнули на пол.

Ева оказалась сверху, но он мгновенным перекатом подмял её под себя, впечатывая в ворс. Она всё еще кричала. Тогда он перехватил её запястья одной рукой, а другой — грубо, наотмашь — накрыл её рот.

Тяжелая ладонь закрыла половину лица, намертво перекрывая кислород. Дышать было нечем. Ева широко раскрыла глаза, встретившись с его налитым кровью взглядом. В этих глазах не осталось ничего человеческого. Пощады не было — он душил её прямо здесь.

Девушка стала слепо шарить руками по полу. У самого

края дивана пальцы наткнулись на что-то острое и холодное. Крупный, тяжелый осколок разбитого графина.

Собрав последние силы, Ева вскинула руку и с размаху полоснула его по голове.

Мужчина утробно вскрикнул. Хватка ослабла. Он отпрянул, заваливаясь набок и хватаясь обеими руками за залитое кровью ухо. Осколок рассек кожу глубоко, кровь толчками хлынула сквозь его пальцы. Ладонь Евы, сжимавшая хрусталь, тоже была сплошь красной.

Жадно, со свистом набирая воздух, Ева закашлялась. Опираясь на дрожащие локти, она изо всех сил поползла в сторону, подальше от него.

Салман медленно, шатаясь, поднялся. Лицо его было залито багровым, взгляд оставался диким. Ева тоже поднялась, цепляясь за стену, и осторожно попятилась назад. Сердце стучало в ушах. До прикроватного столика оставалось несколько шагов.

Вдруг Салман замер. Безумие в его глазах уступило место трезвому шоку — он заметил, как с её собственной ладони, изрезанной хрусталем, кровь крупными каплями стекает на дорогой ковер. Мужчина словно пришел в себя. Он медлен-

но поднял открытые ладони вперед и хрипло произнес:

— Всё... Успокойся. У тебя кровь, слышишь? Я не трону тебя.

Он сделал шаг в её сторону, протягивая руку.

Это стало триггером. Ева рванулась к столу, опрокинула вазу с фруктами и намертво вцепилась в рукоять длинного ножа. Выставила лезвие перед собой, тяжело, прерывисто дыша.

— Не подходи. Убью.

— Ева, брось нож, — Салман остановился как вкопанный, не сводя глаз с кончика лезвия. Голос его звучал на удивление тихо. — Я не трону тебя. Слышишь? Не бойся.

— Я тебя не боюсь, — выплюнула она кровь из разбитой губы. Слезы ярости душили её. — Ненавижу тебя.

— Хорошо, хорошо... — Салман медленно кивнул, удерживая её взгляд. — Но у тебя кровь. Рану надо перевязать, иначе...

— Иначе что? — Ева истерически рассмеялась, её тряс-

ло так, что лезвие ходило ходуном. — Боишься, что не получишь за меня свои миллионы? Жаба душит?

— Плевал я на деньги! — вдруг яростно выкрикнул Салман и шагнул вперед. На его лице отразилась странная, непривычная эмоция. — Давай успокоимся. Просто брось нож, Ева.

— Не подходи, сказала.

— Хорошо... — он сделал полшага назад, опуская руки.
— Чего ты хочешь? Скажи мне. Давай просто поговорим.

— Оставь меня в покое, — выдохнула Ева, чувствуя, как силы стремительно покидают её, а натянутые струны внутри наконец лопаются, погружая комнату в тишину.

Глава 5

В ту зловещую ночь, за тридцать минут до того, как привычный мир разлетелся на куски, Олег изрядно нервничал. Часы на приборной панели машины безжалостно отсчитывали время — четыре тридцать утра. Он должен был стоять у терминала Аль-Бахры ровно в пять, чтобы встретить Еву, но прямо перед его капотом выросли глухие дорожные заграждения. Выезд на основную скоростную магистраль оказался закрыт по каким-то невнятным техническим причинам — там спешно проводились ночные ремонтные работы.

Теперь предстояло делать огромный, съедающий драгоценные минуты крюк через промзону, чтобы обойти это проклятое место. Олег заметно нервничал. Он меньше всего на свете хотел заставлять Еву ждать одну в чужом аэропорту. Он так безумно по ней соскучился за эти недели, что внутри всё горело, а мозг уже на автомате считал секунды до их встречи.

Но стрелки часов неумолимо перешагнули отметку «05:00», а они с водителем всё ещё были в пути, петляя по темным пригородным развязкам. Олег злобно матерился, не подозревая, что эта задержка только что спасла ему жизнь.

Когда до аэропорта оставалось доехать всего ничего, небо над горизонтом внезапно раскололось. Началась бомбежка. Страшная, массированная, безжалостная атака с воздуха. Ракеты и снаряды с оглушительным, жутким рокотом впились в землю, и почти на глазах у застывшего от ужаса Олега фугасные взрывы начали сравнивать международный терминал с землей.

Это было похоже на затянувшийся дурной сон, из которого невозможно проснуться. Олег впал в глубочайший шок. Разум отказывался принимать страшную реальность: там, внутри этого полыхающего огненного ада, сейчас должна была находиться его Ева.

— Ева... Господи, Ева! — хрипел он, пытаясь выскочить из салона.

Но подойти, подбежать или прорваться на машине ближе было абсолютно невозможно. Всё вокруг превратилось в сплошную стену ревущего огня, едкого черного дыма и летящих осколков бетона.

В ту же секунду плотный поток машин, который двигался из города в сторону аэропорта, резко качнулся назад. Как только начали падать первые бомбы, водители в панике стали разворачиваться прямо через разделительные по-

лосы, стремясь уехать обратно в жилые кварталы. Мгновенно образовалась глухая, мертвая пробка. Вспыхнула повальная истерика. Обезумевшие люди выскакивали из заблокированных автомобилей, бросали вещи и бежали врассыпную по обочинам, ища укрытия, пока канонада взрывов продолжала сотрясать окраины города.

Спустя несколько часов кошмара команда футболистов, в которой играл Олег, спешно покинула загородную спортивную базу. Остаться там, на отшибе, было смертельно опасно. Парни быстро погрузили вещи и переехали в небольшой, наспех укрепленный отель в центре Аль-Бахры, находившийся в непосредственной близости от Российского посольства.

Дипломатическая миссия уже вовсю вела экстренные, тяжелые переговоры с властью о выделении специального эвакуационного борта в Россию для спортсменов и всех желающих покинуть охваченную войной страну соотечественников.

Все эти дни Олег вел себя как сумасшедший. Он звонил и звонил Еве, не выпуская телефон из рук, пока батарея не раскалялась до предела. Но в трубке каждый раз звучал один и тот же бездушный, механический голос: «Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети...» Он

понятия не имел, что делать, к кому бежать и где искать свою девочку в полуразрушенном, погрузившемся в хаос мегаполисе. Но в одном Олег был уверен твердо и непоколебимо: он никуда отсюда не улетит, пока не найдет её. Живую или мертвую.

Через два дня, когда у входа в отель уже выстроились автобусы, готовые везти команду к охраняемому военному аэродрому для эвакуации, Олег подошёл к главному тренеру.

От прежнего открытого, почти мальчишески тёплого лица не осталось ничего. Будто его стерли. Жёсткая щетина, серые, пересохшие губы и взгляд — напряжённый, лихорадочный, с тем самым фанатичным блеском, который появляется у человека, загнанного внутренним выбором в угол. Его буквально трясло — не от холода, а от сдерживаемого решения, которое он больше не мог отложить.

— Я остаюсь, — глухо, но твёрдо произнёс Олег, глядя тренеру прямо в глаза.

Наставник, и без того измотанный до предела двумя сутками непрерывной ответственности за ребят, на секунду будто потерял воздух. А затем вспыхнул — резко, почти болезненно.

Лицо его пошло красными пятнами.

— Ты в своём уме, Земцов?! Ты не можешь здесь остаться! — голос сорвался на злой хрип. — Ты сейчас же собираешь вещи, садишься в автобус и улетаешь со всеми! Это приказ! Здесь военное положение, ты хоть понимаешь это своей головой?!

— Я никуда не полечу, — спокойно ответил Олег.

И именно это спокойствие прозвучало страшнее крика. В нём не было ни сомнения, ни колебания — только выжженная внутренняя точка, за которую он уже не собирался отступать.

— Я мужчина. И я обязан остаться здесь и сделать всё... абсолютно всё, чтобы найти её.

Тренер зло, почти с отчаянием усмехнулся, всплеснув руками.

— Её?! — он резко наклонился вперёд. — Это какую из твоих многочисленных девиц, скажи мне?! Очередная история?! Очередная юбка?! Ты ради этого готов под пулями остаться?!

— Хватит! — голос Олега ударил коротко и жёстко, как хлыст.

Тренер осёкся.

Олег медленно выдохнул, и на секунду в его лице дрогнуло что-то живое — не злость, а боль, слишком плотная, чтобы её можно было скрыть.

— Теперь она у меня одна, — произнёс он тише, но ещё тверже. Он сглотнул.

— Мне кроме неё... вообще больше никто не нужен.

— Да с чего ты взял, что она вообще здесь?! — тренер попытался говорить мягче, почти умоляюще, будто искал хоть трещину в его решении. — Почему она должна была приехать сюда? В эту глушь, в этот ад? Она тебе кто — фанатка? Прилетела автограф взять?

— Нет... — Олег отвёл взгляд в сторону, туда, где на горизонте поднимался тяжёлый дым. — Не фанатка. Долго объяснять.

Он замолчал. И в этой паузе было слишком много того, что он не мог произнести вслух.

— Олег, послушай, — тренер шагнул ближе и крепко сжал его плечо. — Здесь небезопасно. Здесь война идёт. Настоящая. Ты должен улетать со сборной. А твоя девчонка... ну куда она денется? Она же русская. Пересидит, выйдет к лю-

дям, доберётся до посольства. Их всех сейчас вывозят гуманитарными рейсами. Всех!

Парни из команды молча наблюдали за этой сценой. Никто не вмешивался. В холле отеля стояла такая плотная тишина, что любое движение казалось лишним.

Олег медленно убрал руку тренера со своего плеча.

— Нет, — сказал он. — Вы не понимаете. Это я... я сам пригласил её сюда. Это из-за меня она оказалась в этом месте. В этом аду.

Он на секунду прикрыл глаза.

— И я никуда без неё не уеду. Точка.

Дальше всё смешалось в одно бесконечное давление: крики, уговоры, угрозы дисквалификации, ссылки на контракты, на карьеру, на родителей, которые «сойдут с ума». Тренер пытался достучаться до него с разных сторон — логикой, страхом, долгом, здравым смыслом.

Но Олег не двигался.

Словно внутри него что-то окончательно встало на место — болезненно, необратимо.

Любовь, смешанная с виной, держала его крепче любых приказов и аргументов.

В тот же вечер спецрейс с командой поднялся в тёмное небо, уводя спортсменов обратно — в безопасную, далёкую, почти нереальную теперь родину.

Олег остался стоять на обочине у отеля. Один.

Он смотрел, как огни самолёта постепенно растворяются в высоте, становясь маленькой, дрожащей точкой, пока не исчезли совсем.

Ночь накрыла город тяжёлым, влажным воздухом. Он не двинулся с места ещё долго.

Потому что теперь у него не было ни плана, ни гарантий, ни права на ошибку.

Только одно. Отчаянная, почти яростная надежда — найти Еву.

И больше никогда не позволить ей исчезнуть.

Был уже поздний вечер, когда на его телефон пришло сообщение с номера Евы.

Олег на секунду замер, не сразу поверив в увиденное. Экран светился в полумраке комнаты, и эти несколько строк, такие простые и обыденные, вдруг показались ему чем-то

невозможным, почти иллюзией, которую мозг отказывается принимать. Он перечитал их снова — медленно, будто от этого зависело, станут ли они реальностью.

И только тогда в него ударило.

Сначала — короткое, почти болезненное облегчение, от которого перехватило дыхание. Жива. Она жива.

А следом — волна, тяжелее и глубже, накрывающая с головой: радость, неверие, страх, который не успел отпустить за все эти дни. Всё смешалось в один гулкий внутренний шум, от которого закружилась голова.

Он не мог поверить своему счастью.

Неделя, превратившаяся в пытку, в бесконечный поиск, в бессонные ночи и обрывочные, лихорадочные мысли, вдруг получила первый реальный ответ. Самый главный. Она нашлась. И — самое важное — она жива.

Пальцы дрожали, когда он ещё раз посмотрел на экран, словно боялся, что сообщение исчезнет, растворится, окажется ошибкой, чьей-то жестокой шуткой. Но нет — имя её номера было там, чёткое, знакомое до боли.

И в этот момент внутри него что-то окончательно сорва-

лось с места.

Всё, что он сдерживал эти дни — страх, вина, бессилие, — вдруг стало неважным. Осталась только одна мысль, простая и оглушающая: он должен её увидеть. Немедленно.

Живая. Она живая.

Он резко поднялся, почти не осознавая движения, и уже в следующую секунду набрал её номер. Пальцы нажимали кнопки слишком быстро, неуверенно, будто тело не поспевало за тем, что происходило внутри. Гудки пошли сразу, растягиваясь в бесконечность, каждый из них отдавался в груди тяжёлым ударом.

Олег сжал телефон сильнее, до побелевших костяшек, не отводя взгляда от экрана.

Если она ответит — значит, всё это правда.

Если ответит... значит, он успеет.

Глава 6

«Цунами, а не девчонка...» — Салман поймал себя на этой мысли на следующий день, пребывая на удивление в благодушном настроении.

Это было новое, почти забытое чувство — глухое, неосознанное восхищение. В её хрупком, точеном теле не крылось ни капли страха, ни тени сомнений. Только чистая, неукротимая отвага. Откуда в ней это? Он усмехнулся, со вкусом воскрешая в памяти безумную прошлую ночь и то, как отчаянно, до последнего вздоха она защищалась. Ева обладала редкой породой — в ней жил дух идеального бойца. Будь у него под рукой десяток таких преданных, несгибаемых людей, он бы перевернул этот мир. На секунду в мыслях мазнуло шальное, обжигающее: «Да... Из нас получился бы безупречный, непобедимый союз...»

Салман резко потрянул головой, сбрасывая морок: «Какой еще союз? Куда тебя несет, парень?»

Никогда. Никаких союзов. Ни с кем в этой жизни. Ему до конца дней хватило одного-единственного союза, который он имел несчастье наблюдать в детстве — союза его покойного отца со второй женой.

Родную мать Салман почти не помнил, она ушла, когда он был совсем крохой. Зато до мельчайших подробностей, до спазма в горле помнил тот день, когда мачеха впервые переступила порог их лачуги. Она вошла — и его детское, залитое солнцем небо с треском раскололось.

Ему было всего четыре года. Новая хозяйка дома возненавидела пасынка с первого взгляда — слепо, люто. С каким-то извращенным, садистским упоением она методично уничтожала ребенка: избивала за малейшую оплошность, морила голодом, запирая в темноте, и вытрапливала из него саму жизнь. Отца не было неделями. Он тяжело, на износ работал в море — ходил на старом, провонявшем солью и гнилью суденышке в составе такой же нищей артели, промышляя уловом. Это был каторжный труд. Отец выжимал себя до капли, чтобы прокормить семью, которая разрасталась с каждым годом, но проклятых денег всё равно не видели. И всю свою вековую злобу, всю глухую обиду на собственное нищее существование мачеха вымещала на старшем сыне. Защиты ждать было не от кого — редкая родня жила на другом конце страны. Годы шли, мачеха исправно рожала, и новые дети, подрастая, впитывали материнский яд. Они презирали Салмана, исподтишка пакостили и с готовностью предавали его при любом удобном случае.

А потом в их нищету постучалась настоящая черная беда. Пришло известие: ветхое судно отца попало в шторм, перевернулось и ушло на дно за считанные минуты. Никого не спасли. Да и кто стал бы искать в яростной бездне горстку нищих рыбаков?

Салману тогда едва исполнилось четырнадцать. В тот же месяц мачеха без капли жалости указала ему на дверь. Перед подростком в обносках распахнулся огромный, ослепительный мир: сияющий огнями мегаполис, белоснежные виллы, раскаленный глянец дорогих машин и шикарные, недостижимые женщины. Вот только для Салмана в этом раю места не предусматривалось.

Его удел был — гнить на обочине. Замерзая на ночных улицах, он отчетливо понял: этот сытый мир никогда его не примет. И тогда же, сквозь зубы, он принес себе страшную, нерушимую клятву — он возьмет этот мир силой. Вырвет его зубами, зальет кровью, но заставит подчиниться. Придет день, и у него будет всё. А эти высокомерные, недоступные женщины превратятся в покорных кукол в дорогой обертке, чья цена — одна ночь. Не больше. На большее они просто не способны.

Выживание предсказуемо толкнуло его на дно, в криминальные трущобы. Сытые и правильные оборванца не ждали.

Там, среди портовой грязи, он и встретил Мусу. В те годы — такого же щуплого, вечно голодного, дикого шкета. Муса был на год младше, но они мгновенно учуяли друг в друге родственную ярость.

Спустя годы, превратившись в двух матерых, жестких мужчин, чьи имена уже заставляли местных криминальных авторитетов считаться с ними, они пришли к главному выводу. Чтобы подняться на вершину пищевой цепочки и закрепиться в крупном бизнесе, одних кулаков мало. Нужен интеллект. Нужна стратегия. К тому моменту у них уже имелся неплохой теневой капитал, и вектор движения определился сам собой. Россия в те годы казалась им землей безграничных, почти космических возможностей.

С этими амбициозными планами Салман и Муса прибыли в Москву. Там они не просто впитывали знания в университете — они, как хищники, обрастали связями, затягивая в свою паутину нужных людей из самых разных кругов. За шесть лет они выстроили железобетонный фундамент для будущего взлета.

А вернувшись на родину, начали свое восхождение — стремительное и беспощадное. Шаг за шагом Салман и его верный оруженосец шли напролом к своей цели. Они ставили на кон всё, включая собственные жизни. Потому что оба

до костей усвоили главный закон этой суровой земли: дорогу осилит только идущий. Идущий по головам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.